ВАЛЕРИЙ ВАЙНИН
КАПУСТА ПРИ СВЕТЕ ЛУНЫ

Валерий Вайнин
Капуста при свете Луны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26905004
ISBN 9785448584473

Аннотация

Остросюжетные рассказы о жизни инициативных москвичей в недалекие девяностые. Время, когда мобильник еще назывался «сотовым» и был редкостью; когда химик-теоретик мог стать сантехником; когда студент-филолог затевал международные сделки по торговле редкоземельными металлами; а среди «братвы» попадались такие, что казались благородней некоторых политиков. Страна трещала по швам, и трещали по швам людские судьбы…

Содержание

Рассказы о московских посредниках 5
1. Сухой закон 5
2. Капуста при свете луны 43
3. Баня по четвергам 113
Конец ознакомительного фрагмента. 128

Капуста при свете Луны

Валерий Вайнин

Дизайнер обложки Анна Куманова
Иллюстратор Анна Куманова

© Валерий Вайнин, 2018
© Анна Куманова, дизайн обложки, 2018
© Анна Куманова, иллюстрации, 2018

ISBN 978-5-4485-8447-3
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Рассказы о московских посредниках

ПОСРЕДНИК. Тот, кто осуществляет посредничество между кем-либо, содействует соглашению, сделке между кем-либо.
Словарь русского языка.

1. Сухой закон

Говорят, Диоген жил в бочке. Может, он взял ее в аренду, может, просто спёр – кто знает? Но, если кому—то нужно было с ним проконсультироваться, Диоген, вероятно, с достоинством произносил: «Завтра в девять утра жду вас у себя в офисе…» И у клиента вопроса не возникало: если ты такой умный, почему твоя бочка не на Арбате?

Сергей брезгливо оглядел комнату: прямо сарай какой—то.

– Тёть Тань, – вздохнул он, – потолок бы хоть побелили.

Татьяна Васильевна была женщина полная, голубоглазая, но вспыльчивая.

– Поцелуй меня в зад, халявщик! – гаркнула она. И, подумав, добавила: – Если я тебе разрешу.

Серёга – парень, одетый и подстриженный, будто со стра-

ниц «Плейбоя» – обезоруживающее улыбнулся.

– Ну, тёть Тань! После ремонта этой халупе была бы совсем другая цена. Вы же понимаете.

– Вот и отремонтируй, малыш. Тебе это зачтётся.

– Будь у меня бабки, я б не раздумывал.

– А у нас откуда бабки? Знаешь, сколько завод нам выделяет? – Достав из шкафа две увесистые папки, Татьяна Васильевна направилась к выходу. – Короче, сиди, как мышка, и не светись. Огребать за тебя у меня, сам понимаешь, никакого полового желания. – Возложив папки на собственный бюст, как на кафедру, она вышла в коридор.

Сергей вдогонку крикнул:

– Гриша не объявлялся?!

– Буду я сторожить твоего Гришу! – раздался негодующий ответ. И Сергей прикрыл дверь.

В комнате, кроме рассохшегося шкафа, ютились два стола: один – с телефоном, другой – с пепельницей. Стулья также имелись в наличии: три замызганных и один трёхногий. Ну что ж… у Диогена и этого не было.

Сергей сел за стол и снял телефонную трубку. Гудок звучал интригующе. Сергей набрал номер.

– Алло-у! – певуче проговорил женский голос.

– Здравствуйте, Аристарх Янович! – бодро отозвался Сергей. – Как жизнь молодая?

– Э-э, простите… с кем имею честь? – Голос опустился на пол—октавы, но все равно походил на женский.

– Сергей Попов вас беспокоит. Я тут в новый офис вселился.

– О-о! Серёжа! Как говорится, богатым будете… Новый офис это хорошо. Поздравляю.

– Телефон записать не хотите?

– С превеликим удовольствием. – В трубке зашелестела бумага. – Внимательно вас слушаю.

Продиктовав номер, Сергей попрощался и сделал ещё несколько подобных звонков. Затем устроил перекур. Тут дверь с треском распахнулась, и в неё не без труда пролез огромный детина в майке без рукавов, в каких—то неимоверных шортах и в ботинках на босу ногу.

– Хай! – пробасил детина. – Ю о'кей?

Сергей застыл, едва не выронив сигарету. Казалось, он потерял дар речи. Меж тем вошедший богатырь огляделся, хмыкнул и плюхнулся на стул. Стул жалобно пискнул.

– Серёнь, ты чё, бритву проглотил? – хохотнул детина. – Или жара на тебя действует?

Сергей аккуратно придавил сигарету в пепельнице. С каменным лицом он сел за стол, опёрся на локти и негромко полюбопытствовал:

– Гриша, ты ёбнулся?

Детина заёрзал, съёжился и провёл по волосам потной пятерней.

– Да ладно тебе, Серёнь…

– Я спрашиваю: у тебя на плечах голова и жопа? – Голос

Сергея накалялся и набирал силу. – Во-первых, во сколько мы договорились и во сколько ты пришёл! Во—вторых…

– Да ладно, Серёнь! Не в армии всё—таки…

– Ты слово дал, сучонок! Могу я на тебя положиться или не могу?!

– Серёнь, кончай. Ты меня знаешь: я, когда надо…

– А во-вторых, что это за вид?! – Сергей потянулся через стол и дёрнул приятеля за майку. – Ты собираешься в этом тряпье делать бизнес?!

Обиженно сопя, богатырь заправил майку в шорты.

– В такую жару, Серёнь, знаешь… насрать мне на фасон.

Побагровев, Сергей приподнялся.

– Вот что, Григорий. – Голос его стал тихим. – Либо ты одеваешься прилично, либо срёшь где-нибудь в другом месте. Законы бизнеса придумал не я…

Зазвонил телефон. Григорий вцепился в трубку, точно утопающий в плывущее мимо бревно.

– Кого надо? – рявкнул он без предисловий.

– Э-э, простите… с кем имею честь? – проворковал тонкий голосок.

– Вам кого, девушка? – терпеливо переспросил Гриша.

Но Сергей вырвал у него трубку.

– Попов у телефона, – произнёс он солидно.

– Серёжа! Как говорится, на ловца и зверь.

– Вашими бы устами, Аристарх Янович, – Сергей бросил на Григория взгляд, от которого тот втянул голову в плечи. –

Вы уж извините, у меня тут новый работник… Слушаю вас, Аристрах Янович.

– Некоторым работникам, Серёж, неплохо помогает клизма с толчёным стеклом. Однако не мне вас учить. Предлагаю пиво «Гиннесс». Десять тысяч банок по 50 центов, берёте?

Раскрыв блокнот, Сергей поспешно чиркнул в нём авторучкой.

– Могу я подумать?

– Не долее чем до обеда. – Голос в трубке понизился и стал почти мужским. – Расплата наличкой и только зеленью. Вас это не смущает?

Сергей загадочно усмехнулся.

– Главное, принять решение в принципе. Я перезвоню вам, Аристарх Янович.

– Жду с нетерпением, но только до обеда. – Послышались короткие гудки.

Положив трубку, Сергей соколом взглянул на Григория.

– У тебя, мудило, проблема с ушами? Мужика от бабы не отличаешь?

– Это у него с голосом проблема. Пидер! – огрызнулся Гриша. – Чего хоть предлагает?

– Десять тысяч банок «Гинесса». Полдоллара за банку и расплата зелёным налом. Если ты ещё раз заявишься в таком виде…

– Да ладно тебе, Серёнь! Сколько у нас времени?

– До обеда. Поставим 75 центов за банку – снимем две

с половиной штуки. Ништяк?

Подолом выцветшей майки Гриша промокнул лоб.

– Сомнительно.

Сергей посмотрел на него с подозрением.

– Почему?

– Дороговато, вроде.

– Уверен?

– Мне кажется.

– Перекрестись.

– А ты думаешь, нормально?

Сергей пожал плечами.

– Подвинуться, в крайнем случае, всегда успеем.

Гриша почесал затылок.

– Можем, вообще-то, не успеть. Побьют.

– Не мели херню, – отмахнулся Сергей, листая блокнот с телефонами. – Что почём, разберёмся по ходу. Ты карбюратор поменял?

– Порядок, – кивнул Гриша. – Куда едем?

– Видно будет. Поработаем пока на телефоне.

И Сергей позвонил четверым своим знакомым, предлагая пиво «Гиннесс» по 75 центов за банку. Двое отказались сразу, а двое обещали отзвонить в течение часа. Сергей перевёл дух. Под мышками его фирменной рубашки расплылись два мокрых пятна.

– Держи. – Он вручил Грише телефонную трубку. – Есть у тебя идеи?

Гриша кивнул.

– Есть. Только одна. – Огромным пальцем, напоминающим разваренную сардельку, он набрал номер. – Юрия Павловича можно?.. Григорий просит.

Сергей поморщился.

– Здороваться надо, пентюх.

Зажав трубку рукой, Гриша возразил:

– Это секретарша. С ним, ясное дело, поздороваюсь. – И тут же пробасил в трубку: – Юрий Павлович, здравствуйте… Конечно, по делу: стал бы я вас отрывать… А вот сейчас расскажу… А может, сперва я?.. Ну ладно, давайте по старшинству… – После этих слов Гриша долго что-то выслушивал и наконец неуверенно отозвался: – Прямо не знаю. Без шефа я этого решить не могу… А вот он тут, рядышком… Ага, Юрий Павлович, передаю трубку.

Зардевшись, как маков цвет, Сергей прокашлялся и сказал в трубку:

– Сергей Попов у телефона.

– А по отчеству? – поинтересовался голос из трубки.

– Иванович. Но можно и без отчества.

– Без отчества – не по-русски. – Голос был чётким и напористым. – Моя фамилия Борисов, звать Юрий Павлович.

– Очень приятно, – буркнул Сергей.

– Приятно или неприятно, жизнь покажет. А покамест, Сергей Иванович, помоги—ка мне сбыть автоматы Калашникова. Новенькие – прямо со склада, все документы в ажу-

ре…

– Простите, Юрий Павлович, – перебил Сергей, – это не для нас. Спасибо за предложение, но…

– Минимальная партия – сотня, полный объём – девятьсот пятьдесят штук, – продолжал напирать голос. – Поставки можно дробить и проплачивать по частям…

– Нет-нет, – Сергей показал Грише кулак, – оружием мы не занимаемся.

– А чем вы занимаетесь? – раздражённо полюбопытствовал Юрий Павлович. – Может, деньги печатаете?

– Пиво продаём, – невозмутимо ответил Сергей. – Десять тысяч банок «Гинесса» по 75 центов за штуку. Не желаете купить? Дёшево и безопасно.

Невидимый Борисов хмыкнул в трубку.

– Дума вот—вот повысит акциз на спиртное. Тебе это известно, Сергей Иванович?

Сергей чуть помолчал и спросил:

– Ну и что?

– Хер через плечо! Кто покупать будет?

– Ха! Не смешите! – Сергей аж саданул кулаком по столу. – Спиртное всегда покупать будут! Пусть хоть сухой закон – нам это по барабану! Короче, Юрий Павлович: берёте пиво или не берёте?

Теперь задумался Борисов.

– Ну, если сухой закон, тогда… тогда автоматы тебе ох как пригодятся! Обмозгуй на досуге.

– Я так понимаю: пиво – для вас не товар, – уточнил Сергей.

– Так же, как семечки, – подтвердил Борисов. – Но возможно, я перезвоню. Не скучай.

– Эй! Телефон запишите!

– Зачем? У меня определитель номера, никуда не денешься. – Юрий Павлович дал отбой.

Сергей надвинулся на Гришу.

– Кого ты мне подсовываешь, придурок?

Гриша слегка отодвинул его огромной ладонью.

– Не физдипи, Серёнь. – Даже в сидячем положении он был едва ли ниже своего стоящего напарника. – Борисова я уважаю, Борисов – мужик серьёзный.

– Даже чересчур, – проворчал Сергей. – Откуда хоть ты его знаешь?

– Прямо с горшка: он старый батин друг. Ты не дёргайся, с ним никакой головной боли.

Тут раздался деликатный стук, и в дверях возник монументальный бюст Татьяны Васильевны.

– Я дико извиняюсь, парни: мы на одну минутку. Заходи, Ляль! Из-за широкой спины её спины вышла молодая блондинка – одетая, как куколка, и стройная, как статуэтка.

– Привет, мальчики! – произнесла она дружески и оглядела помещение большими скучающими глазами. – Танюш, я не поняла, что ты хочешь с этого поиметь?

Татьяна Васильевна смущённо зыркнула на ребят.

– Ну, я не знаю… Ляль, ведь надо же как—то крутиться. Может, ты сама что—нибудь присоветуешь?

Блондинка задумчиво покачала головой.

– Да что тут советовать?.. Под магазин, под склад, сама понимаешь, не пойдёт. Под офис? Может быть, но с хорошим ремонтом.

– Ляль, ты издеваешься?! Какой ремонт, мама мия?! – Татьяна Васильевна темпераментно вскинула руки. – Пускай, они сами делают, если хотят!

– Кто «они», Танечка?

– Арендаторы, Лялечка!

– Они у тебя есть, душа моя?

– Будут, моя ненаглядная!

Блондинка улыбнулась с холодным сожалением. Татьяна Васильевна полыхала, как натопленная печь.

Подмигнув Сергею, Гриша пробасил:

– Вообще—то, здесь тесновато.

– И входа отдельного нет, – поддакнул Сергей.

– Зато от метро близко! – топнула ногой Татьяна Васильевна. – И здание сталинской застройки, из пушки не раздолбаешь!

Блондинка подошла к ней и выразительно заглянула в глаза.

– Танюш, а может, мы тут бомбоубежище утроим? С пивбаром и сауной, а? – произнесла она с невозмутимой серьёзностью. Сергей и Гриша прыснули. – Тань, мужики над нами

смеются.

Татьяна Васильевна отмахнулась.

– Пускай смеются, халявщики! А мне крутиться приходится!

– Тёть Тань! – не выдержал Сергей. – А мы что, по-вашему, в носу ковыряем?

– Вот именно, – кивнула блондинка. – Теперь, Танечка, все крутятся, как умеют. А вы, ребята, чем занимаетесь, если не секрет?

За них поспешно ответила Татьяна Васильевна.

– Племяш мой с дружком. В армии отслужили, теперь вот… ищут место под солнцем. Пустила их до осени.

– Ах, душа моя, – вздохнула блондинка, – до осени ещё целая жизнь. Что ж ты меня сегодня—то дёргаешь? У меня ж гастроли в среду.

– Пардон, Ляль, – Татьяна Васильевна выставила вперёд пятерню, – я привыкла беспокоиться заранее. Надеюсь, ты меня понимаешь.

– Всем сердцем! – Блондинка тоже выставила пятерню, комично пародируя её жест. – Приеду с гастролей, займусь твоим бомбоубежищем.

– Обещаешь?

– Чтоб мне провалиться. Пока, мальчики.

Резко рванув с места, Сергей встал у неё на пути.

– Между прочим, мы пиво продаём, – сообщил он с белозубой улыбкой. – «Гиннесс», знаете такое?

– Даже пью понемногу. – Блондинка смотрела с любопытством. – Хотите угостить?

Сергей развёл руками.

– У нас десять тысяч банок. Пристроить надо.

Татьяна Васильевна по-хозяйски взяла его за ухо.

– Сколько, сколько? Ну, трепач!

– Тёть Тань! – дёрнув головой, Сергей освободился. – Я в ваши дела не суюсь, а вы – в мои! Договорились?!

– В любом случае, – примирительно сказала блондинка, – больше двух банок мне не осилить. Да и то в хорошей компании.

– Вы певица? – вежливо спросил Сергей.

– Увы, драматическая актриса.

– Почему «увы»?

– Потому что зарабатываю на жизнь торговлей недвижимостью. Кстати, как вас зовут?

– Сергей. А вот он – Григорий.

– Будем знакомы: меня зовут Оля.

– Для кого Оля, а для кого – Ольга Михайловна, – поправила Татьяна Васильевна.

Блондинка рассмеялась.

– Ну ты даёшь! Я, конечно, старая, больная кляча, однако…

– Брось, Ляль! Не кокетничай!

– … однако зачем же столь откровенно это подчёркивать? – Она лукаво взглянула на Сергея и Григория. – Не же-

лаете ли, мальчики, заняться недвижимостью? Под моим, так сказать, руководством.

– Нет уж, спасибо, – улыбнулся Сергей. – Это не наш профиль.

– Ну и напрасно. Недвижимость – штука надёжная.

– Хорошо, мы подумаем. А где у вас гастроли?

Блондинка сморщила носик.

– В Польше. – Она приоткрыла дверь. – Пока, мальчики.

– А в случае чего, – крикнул вдогонку Сергей, – как вас найти?

– Мой телефон у Татьяны Васильевны, звоните, – на пороге она улыбнулась Грише. – Штанцы у вас – полный отпад. На заказ шили?

– А что? – насупился Григорий.

– Нравятся очень, – фыркнула блондинка и вышла.

Татьяна Васильевна погрозила Сергею пальцем.

– Башку отвинчу!

– За что? – удивился Сергей.

– Молод ещё!

– Не понял.

– Всё ты понял! – Она захлопнула за собой дверь, и гренадёрский её шаг загромыхал по коридору.

Раскрыв блокнот, Сергей уселся перед телефоном.

– Я бы ей вдул, – доверительно сообщил Григорий.

Сергей хмыкнул и взглянул на часы: было без четверти двенадцать. Если, допустим, обед в час, времени оставалось

в обрез. Пиво могло уйти.

– Кому не позвонишь, везде занято, – нервничал Сергей.

– Покури малость. – Гриша подтолкнул к нему пепельницу и мечтательно повторил: – Ох, я бы ей вдул!

Сергей швырнул трубку на рычаг.

– Гринь, иди в жопу! Тут сделка на волоске, а тебе только бы яйца чесать.

– Брось ты, Серёнь, – лениво отмахнулся Гриша. – Какая там сделка? Вилами по воде…

– Ну да, ты у нас крутой! – мгновенно взвился Сергей. – Для тебя две с половиной штуки – просто тьфу! Люди, между прочим, таких денег и за год не выколачивают! А мы могли бы за день снять, – Сергей щёлкнул пальцами, – только так!

И в этот момент зазвонил телефон.

– Как дела, Сергей Иванович? – проговорил напористый голос Борисова. – Сухой закон ещё не ввели?

– А вы, Юрий Павлович, – в тон ему отозвался Сергей, – третью мировую ещё не развязали?

– Типун тебе на язык. Давай своё пиво. Беру по шестьдесят центов за банку.

Сергей аж привстал на стуле.

– Как по шестьдесят? Я ведь назвал цену…

– Замолкни и слушай, – оборвал его Борисов. – Семьдесят пять даже не произноси: пристрелят. Шестьдесят – и то чудо, просто подфартило тебе. Не жадничай: беру немедленно.

– Ну не знаю, не знаю… – заколебался Сергей.

Григорий задышал ему в ухо:

– Соглашайся. Ништяк.

Отвернувшись от него, Сергей сказал в трубку:

– Подумать надо. Полчасика дадите?

– Ни минутой больше. И проверь наличие товара.

– Не понял шутки.

– Твоя проблема. Пиво либо есть, либо у тебя воздух и ты людей от дела отрываешь…

– Юрий Павлович, – обиженно перебил Сергей, – я предложил вам пиво «Гиннесс». Либо вы его берёте, либо разойдёмся по—хорошему.

– Беру. Но если пива у тебя не окажется, – невозмутимо пояснил Борисов, – по—хорошему нам с тобой уже не разойтись. Поэтому смотри: у тебя есть ещё возможность отскочить.

– Спасибо за предупреждение, – буркнул Сергей.

– Пожалуйста. – Борисов дал отбой.

Сергей нервно прошёлся по комнате.

– Небось, кагэбэшник бывший, – предположил он.

Григорий курил, кося на него глазом.

– Пенёк, – сказал он, выпуская дым через ноздрю.

– Да нет, мужик неглупый, – возразил Сергей. – Давит просто внаглую.

Гриша со вздохом уточнил:

– Это ты пенёк. Прапорщик хуев.

У Сергея, что называется, глаза на лоб полезли.

– Ты чего?.. Ты знаешь… вали отсюда!

Гриша тщательно притушил окурок в пепельнице.

– Никуда я не повалю. Чувствую, опять придётся тебя вытаскивать. Видать, судьба такая.

– Что ты мелешь?! Откуда вытаскивать?! – запетушился Сергей.

– Из говна, естественно. Знал я, что ты не догоняешь, но чтоб настолько… Давай, звони своему пидеру.

Пожав плечами, Сергей набрал номер.

– Алло-у! – пропел женский голос.

– Аристарх Янович, вы должны подвинуться на десять центов, – с места в карьер заявил Сергей, – и пиво мы у вас забираем. Согласны?

– О-о, Серёжа! Какой вы стали деловой – ужас прямо…

– Сорок центов за банку, Аристарх Янович, и всё у нас на мази. Больше вам всё равно не даст никто, время только потеряете.

– Как оперативно вы работаете, Серёжа! Примите мои восхищения.

– Стараемся. Соглашайтесь – и ударим по рукам.

– Сорок центов за банку?

– Ей-Богу, дороже не продадите. Сегодня предложений вагон и, сами понимаете…

– Согласен. По рукам.

Сергей чуть не поперхнулся.

– То есть мы, значит, можем…

– Хоть сейчас. – В трубке раздался смешок. – Вы думаете, Серёжа, со мной трудно? А со мной очень легко. Платите четыре штуки и пейте на здоровье целыми ящиками. Но без излишеств.

Сергей прокашлялся.

– Аристарх Янович, прежде чем везти деньги, я должен посмотреть товар.

В трубке воцарилось молчание. Григорий замер, вытянув шею. От напряжения, казалось, у него шевелятся уши.

– В таком случае. Серёжа, – голос в трубке прозвучал визгливо и вызывающе, – может быть, вы сперва покажете деньги? Если уж вы берёте подобный тон, давайте по правилам.

– Но извините, – зажав трубку меж плечом и ухом, Сергей закурил, – вначале я что-то вижу, а уж потом это самое покупаю. Как любой нормальный человек. У вас, что ли, по —другому?

Гриша удовлетворённо показал большой палец. Аристарх Янович, однако, был калачом тёртым.

– В магазине, Серёженька! В ма-га-зине! – Голос его повысился ещё на терцию. – А на оптовом складе нам показывают лишь образцы. Показать вам банку «Гинесса»?.. Никто, мой милый, не водит нас по складу и не распечатывает перед нами ящики.

Сергей курил, косясь на Гришу в явном замешательстве.

– Аристарх Янович, это, конечно, правильно, – промям-

лил он. – Но и вы меня тоже поймите…

Григорий протянул через стол огромную свою руку и вырвал у него трубку.

– Мужик, слушай сюда, – пробасил он с холодной угрозой. – Мы сейчас к тебе приедем, и ты покажешь нам пиво – Мы пересчитаем все банки до одной, и если их окажется не десять тысяч, а хотя бы… Ну, ты понял, да?

– С кем, простите, имею честь? – взвизгнул Аристарх Янович.

Добродушная Гришина физиономия будто окаменела.

– Служба охраны Сергея Ивановича Попова. – Всем своим мускулистым телом навис он над телефонным аппаратом. – А звать меня Григорий. Ещё вопросы есть?

Сергей ошарашено воззрился на разгневанного великана в майке, в шортах и в башмаках на босу ногу. Сергей не узнавал своего друга.

Аристарх Янович, очевидно, тоже не сразу переварил услышанное.

– Ну что ж, – пропищал он наконец, – будем знакомы. И что дальше?

– А ничего, – спокойно отозвался Гриша. – Мы приедем, посмотрим товар. Если всё о'кей, через час привезём баксы. Годится?

– Да поймите же, так не делается.

– Кончай базар, мужик. Ты мне не нравишься.

– Ну, знаете!.. Вы тоже производите довольно отталкива-

ющее впечатление!

– А меня это не колебёт, понял? Мы приедем и посмотрим, потом расплатимся и пойдём пить водку. Договорились?

– Дайте мне Сережу.

– Договорились, я спрашиваю?

– Договорились, договорились! Пожалуйста, дайте мне Серёжу!

– Ладно, не ссы: я не прощаюсь, – передавая Сергею трубку, Гриша подмигнул.

Сергей показал ему кулак.

– Не обижайтесь, Аристарх Янович, – начал он виновато, но тонкий дрожащий голос его перебил:

– Если вы так напираете, Серёжа, я вынужден согласиться. Но впредь прошу вас ко мне не обращаться.

– Ну вот, Аристарх Янович… Ей-богу, напрасно вы берёте в голову…

– Подъезжайте к моей сотруднице, к Анне Владимировне. Она всё вам покажет. И деньги ей отдадите.

– По сорок центов за банку? – не удержался Сергей.

– Как договорились. Вы, Серёжа, очень меня разочаровали. Пишите, куда ехать, голубь вы мой.

Сергей записал адрес и не успел сказать «спасибо», как в трубке послышались гудки. Глянув на листок с адресом. Григорий сказал:

– Ништяк, это близко. Звони Борисову, и погнали.

Но Борисов позвонил сам.

– Вы там что, заснули? – возмутился он. – Я замучался вас ждать.

– Работаем, – сухо ответил Сергей.

– Да ну? А радио не включали?

– Нет. А что?

– Сухой закон объявили. По требованию трудящихся, говорят. Народ уже становится в очередь за стволами.

Сергей скривился.

– Юрий Павлович, эти ваши примочки… Короче, на шестьдесят центов я согласен. Мы с Гришей едем считать банки.

– Молоток. Смотри, не обсчитайся, – сказал Борисов и положил трубку.

Хмуро глядя на Григория, Сергей покрутил пальцем у виска.

– Всё-таки он у тебя…

– Да ладно, Серёнь! – Гриша встал и шагнул к двери. – Давай, погнали.

Они закрыли за собой дверь, на которой под цифрой «8» красовалась табличка с надписью «местком». Сергей достал из кармана ключ и повертел в руке.

– Зачем? – усмехнулся Гриша. – Обворуют нас, что ли?

– Тётка велела. Она, если что… сожрёт ведь с потрохами.

– Мы раз, два – и назад, – Гриша решительно зашагал по длинному коридору. Выйдя на крыльцо жёлтого здания

с колоннами, друзья закурили. Жара стояла ужасная. Григорий указал сигаретой на аршинную надпись: «Дворец культуры «Факел».

– Я б это приватизировал.

– Старьё, – сплюнул Сергей.

Гриша похлопал его по плечу.

– Прапорщик, бля.

– Глохни, – огрызнулся Сергей. – Ты меня достал. Поехали.

Обшарпанная «нива» раскалилась, как печь. Садясь за руль, Григорий утёр пот подолом майки.

– Не мог в тень поставить, сапог, – проворчал Сергей.

– Когда ставил, тень была здесь, – резонно возразил Григорий и кивнул на проходившую мимо девушку.– Ох, я бы ей вдул!

Сергей покосился на него, открывая окно.

– Гринь, я тебя кастрирую.

Выруливая на дорогу, Гриша подмигнул.

– Серёнь, а ты сам-то… не вдул бы разве? Смотри вон: косяками ходят, голые почти. Прямо напрашиваются, шалавы.

– Гляди, куда едешь. – Сергей высунулся в окно, и ветерок трепал его модно подстриженные волосы. – А то врежемся, и накроется наш бизнес.

– Не ссы, ам сори, – успокоил Гриша. – Дай—ка листок с адресом.

Доехали они быстро и нашли довольно легко стеклянную

витрину фирмы «Уют», которую украшали стол, четыре стула и ядовито—розовый диван. И над всем этим сверкала надпись: «Торговля новой и подержанной мебелью».

– Служебный вход со двора, – напомнил Сергей.

Григорий кивнул и въехал под арку. Выйдя из машины, друзья направились к шикарной дубовой двери, рядом с которой, выгнув металлические лапы, стояла скамеечка. На этой скамеечке плечом к плечу сидели небритый дед в панаме и разбитная девица в юбке, задранной до трусов. Дед прихлёбывал «пепси» из литровой бутылки, а девица вынимала спичкой грязь из-под ногтей. Когда Сергей и Григорий попытались открыть дверь, эта милая леди поинтересовалась:

– Вы куда, красавцы?

Сергей дружелюбно ей улыбнулся.

– Мы в «Уют», красавица, к Анне Владимировне. Как найти, не подскажешь?

Окинув его взглядом, девица улыбнулась в ответ. У неё во рту не хватало верхнего переднего зуба.

– Я Анна Владимировна. Беги за бутылкой.

Гриша откровенно фыркнул. А Сергей смущённо проговорил:

– Мы от Аристарха Яновича. Он должен был вас предупредить.

– Насчёт пиво показать? – Анна Владимировна обмахнулась задранной юбкой. Стало очевидно, что девица пьяна

в лоскуты. – Арик звонил. Но я ему сказала: завтра. Прямо с утречка.

Григорий в досаде сплюнул.

– Так и знал.

Девица толкнула деда локотком и кивнула на Гришу.

– Петрович, он чё, верблюд? А, Петрович?

Дед вытер панамой губы.

– Затрудняюсь ответить, – рыгнул он. Судя по всему, он был с Анной Владимировной в одной кондиции.

– Но Аристарх Янович нас торопил. – В голосе Сергея прозвучали нотки обречённости. – Он говорил, надо успеть до обеда…

– Знаешь, он мне кто?! – окрысилась вдруг девица. – Комар на жопе! Говорю, завтра, значит, завтра!

Зыркнув на Сергея, Григорий спросил:

– А он, Аристрах этот, обычный посредник, что ли?

– Не—а, – замотала головой девица, – он президент Клинтон. Ты чё, не узнал?

Сергей присел на скамейку с ней рядом. Теперь он был само обаяние.

– Анна Владимировна, а почему бы нам… Меня Сергеем зовут. Можно я буду называть вас Аней?

– Никаких проблем, – кивнул девица. – Можем на «ты».

Сергей изобразил восторг.

– Отлично, Анюта. Почему бы нам не сделать так…

– Красивые у меня ножки? – перебила девица, дыхнув пе-

регаром. – Бледноватые только. Щас как загорю!

Огромная Гришина пятерня легла Сергею на плечо.

– Поехали на хрен!

Но Серёга не сдавался.

– Анюта, может, мы посмотри товар сегодня, – предложил он, – а деньги привезём завтра? И сразу это дело обмоем, а?

Девица с пьяной нежностью взяла его под руку.

– Серенький, разве я против? Но Лысый, как последний мудак, увёл ключи от подвала. Ни я, ни Петрович не в курсе, когда этот хуй появится. Короче, подгребай завтра в десять…

– А позвонить ему нельзя? – без всякой надежды спросил Сергей.

– Кому, Лысому? Ох, Серенький!.. Он уже где—нибудь в холодке с бабой завалился. – Аня вновь принялась обмахиваться юбкой. – Ну и жара! Санта—Барбара прямо!

Дед в панаме вдруг встрепенулся и плеснул ей меж ног из бутылки «пепси». Девица взвизгнула.

– Петрович, ты чё… ты шизофреник?! Оно же липкое!

Резко отвернувшись, Григорий зашагал к машине.

– Поехали, а то сблюю, – бросил он через плечо.

Сергей поспешно поднялся со скамейки.

– Пока, Анюта. Значит, завтра в десять?

– Ага, всё путем. – Девица изучала пятно на трусах. – Всё будет в лучшем виде.

В машине Сергей втянул голову в плечи. А Григорий

угрюмо рулил, сопел, но в конце концов не выдержал:

– Пидера твоего я урою, гадом быть!

– Опупеть просто, – буркнул Сергей, неотрывно глядя в окно. – Мебельный магазин пиво толкает…

– На это насрать, – в сердцах отмахнулся Гриша. – У нас это дело обычное: они могут продавать и презервативы, и героин, и хуй знает чего. А вот каким боком тут Аристрах твой лепится?

– Волну гнал, сучонок! – запоздало возмутился Сергей. – До обеда, блин, торопил!

Григорий с усмешкой на него покосился.

– Пожрать бы, кстати, не мешало.

– Читаешь мои мысли, – с готовностью подхватил Сергей. – Сейчас позвоним Борисову и дадим отбой до завтра.

Они подъехали к дому с колоннами, поставили джип в тень и вышли, синхронно хлопнув дверцами. Снующие здесь и там девушки в мини—юбках вовсе их не интересовали. Войдя в здание, они с удовольствием ощутили прохладу и бодро прошагали длинный коридор. Когда они открыли дверь с цифрой «8» и надписью «местком», их удивление, что называется, было безграничным.

На подоконнике и на стульях сидели трое мужчин «кавказской национальности», а Татьяна Васильевна монументально подпирала спиной стенку.

– А вот и мои ребята, – проговорила она елейным голосом. – Мы тут вас заждались,

Кавказец на подоконнике с белозубой улыбкой спросил:

– Серёжа – это он, да? А вот он – Гриша?

– В самую точку. – Женщина грузно оттолкнулась от стенки. – Не буду вам мешать, – проходя мимо Сергея, она процедила сквозь зубы: – Интересные у тебя партнёры.

– Э—э… уважаемая! – Кавказец соскочил с подоконника. Росточка он оказался небольшого. – Один момент!

Татьяна Васильевна обернулась.

– В чём дело?

Кавказец достал из кармана абрикос, обтёр платочком и протянул ей.

– Кушайте.

– Ой, спасибо! Зачем?

– Кушайте, кушайте.

– Прямо как с выставки. – Татьяна Васильевна взяла абрикос и удалилась, почти оттаяв.

Когда за ней закрылась дверь, гости и хозяева скрестили взгляды.

– Вы ко мне? – угрюмо спросил Сергей.

Кавказцы заулыбались. Несмотря на жару, все трое были в чёрных рубашках, в чёрных брюках и, разумеется, в чёрных туфлях. Если прибавить сюда чёрные волосы и небритые физиономии, нетрудно вообразить, какие получились улыбки.

– К тебе, дорогой, – сказал тот, что угощал абрикосом. – Мы от Юрия Павловича, деньги привезли за пиво. Шесть

штук баксов, правильно?

Сергей и Григорий обалденно переглянулись.

– Как вы нас нашли? – только и смог произнести Сергей.

– Э-э, дорогой! – засмеялся кавказец. – Телефон есть, адрес – не проблема.

Гриша мрачно воззрился на него сверху вниз.

– Погоди, дорогой. Кто вам велел деньги везти?

Теперь переглянулись кавказцы. И залопотали что-то по —своему, заспорили. Когда мир меж ними воцарился, тот, что вёл переговоры, ткнул себя в грудь.

– Я Гурам. А это Нодар и Зураб. Мы от Борисова. Бери деньги, давай пиво.

Сергей с облегчением выдохнул:

– Грузины. Я уж думал, чечня.

Грузины засмеялись.

– Не путай, – сказал Нодар, – плохо кончить можешь.

– Я спрашиваю, – пророкотал бас Григория, – кто вам велел бабки привозить?!

Гурам нахмурился. Он, очевидно, был за главного.

– Не ори, слушай! – небрежно махнул он кистью руки. – Юрию Павловичу мы заплатили, он при своих интересах. – Гурам извлёк из-под стола кейс. – Шесть штук, пересчитай. Не будем болтать, ладно?

Сергей стал сбивчиво объяснять грузинам, что сегодня склад закрыт, а завтра в десять всё будет в лучшем виде. Грузины слушали, сверкали глазами и явно не желали прини-

мать никаких резонов. Лицо Сергея покрылось капельками пота, и он завёл свою пластинку по второму кругу.

– Глохни, прапорщик, – тихо сказал Григорий и подошёл к Гураму вплотную. – Мужик, я не понял: ты чего—то хочешь нам навесить? Говори прямо.

Гурам ожёг его взглядом.

– Тебя послушать хочу.

Гриша положил свою огромную лапу ему на плечо.

– Тебе нужны проблемы, парень?

Зураб сунул руку под рубашку, но Гурам что-то крикнул по-грузински – и рука вернулась на место.

– Кому нужны проблемы, слушай! – на губах Гурама играла прежняя улыбка. – Нам нужно дело, а не разборки. Правильно, дорогой? – Гурам достал из кармана абрикос и протянул ему. – Кушай, дорогой. Не переживай.

Гриша абрикос проигнорировал.

– Не вешай мне лапшу. Ты скажи: лично я лично тебе что-нибудь обещал?

Грузины обменялись эмоциональными репликами.

– Ты не должен мне, я тебе не должен, – признал наконец Гурам. – Брат из тюрьмы выходит, «Гиннесс» – его любимое пиво. Помочь можешь?

– Вот! – Григорий поднял вверх указательный палец. – Совсем другой разговор! – Он взял у Гурама абрикос, разломил на две половинки и одну из них протянул Сергею. – Кушай, дорогой.

Грузины улыбнулись.

– Поможешь? – повторил вопрос Гурам.

– Сделаем так, – сказал Гриша, заглатывая абрикос, – Вы подождёте нас тут, а мы кое—куда сгоняем и попробуем кое—кого уломать, – он бросил на Сергея красноречивый взгляд, – чтобы всё—таки открыли склад сегодня.

– Спасибо, дорогой! Гулять будем…

– Но никаких гарантий. Если не получится…

– Конечно, конечно! Какие гарантии?!

Гриша взял Сергея под локоток.

– Тогда мы погнали. Ждите, мы позвоним.

Оставив незваных клиентов за дверью с табличкой «местком», парни вновь зашагали по коридору и вышли из дома с колоннами. На улице, если такое возможно, стало еще жарче. Однако джип «нива», к счастью, оставался в тени.

– Анюта заждалась небось, – садясь за руль, ухмыльнулся Гриша. – Наверно, трусы уже сменила.

– Ещё раз назовёшь прапорщиком, пойдёшь на хуй, – отрезал Сергей, садясь рядом.

У Григория аж рот приоткрылся.

– Серёнь, ты чего… обиделся, что ли? – искренне удивился он. – Давай, хоть из говна вылезем…

– Всё, я сказал! – рявкнул Сергей. – А Борисову твоему яйца оторвать мало!

– Он-то при чём?

– А кто навёл на нас черножопых?!

Подумав, Гриша кивнул.

– Верно. Я ему вклепаю.

Дальше ехали молча, не обращая внимания на мелькающих в окне женщин, не облизываясь на палатки со снедью и, само собой, не замечая красного «форда», неотвязно следующего по пятам.

Во дворе мебельной фирмы «Уют» было безлюдно. Скамейка на металлических лапах на этот раз пустовала, и парни беспрепятственно распахнули дубовую дверь. Спустившись по ступенькам, они оказались в просторном полуподвале, напоминающем лабиринт: коридор причудливо змеился и разветвлялся, и куда ни глянь темнели двери, двери, двери.

– Заблудимся, зуб даю, – сказал Григорий, таращась вокруг.

Сергей достал листок с адресом.

– Записано: вторая комната налево. А где тут лево, где право… Может, сюда? – Он дёрнул одну из дверей.

Кабинет с мягкой мебелью освещался люминесцентными лампами. Обтянутый зелёным сукном письменный стол напоминал биллиард, Анна Владимировна задушевно общалась по телефону, задрав на стол порозовевшие от солнца ноги.

– Сколько лет, сколько зим! – усмехнулась она, отрывая от уха трубку. – Соскучились?

– Угу, прямо засохли, – буркнул Гриша.

А Сергей обаятельно улыбнулся:

– Поговорить надо, Анют. Срочно.

Она пытливо на него посмотрела и проговорила в трубку:

– Извини, Заяц, у меня народ… Да ну, какие поклонники? Так, общество любителей пива. Я перезвоню. – Анна Владимировна положила трубку. Если она и была пьяна, теперь это не было заметно. – Ну? Слушаю вас.

– Анют, нам просто вот так. – Сергей провёл ребром ладони себе по горлу. – Выручай, в долгу не останемся.

Отсутствие зуба придавало её улыбке своеобразный шарм.

– Давай, давай – уговаривай: я это люблю. Лысый, кстати, звонил…

В этот момент дверь распахнулась, и вошли трое грузинов с белозубыми ухмылками на небритых лицах.

– Что за дела? – нахмурился Григорий.

– Еле за тобой угнались, – подмигнул ему Гурам. – Абрикос будешь?

Григорий сжал пудовые кулаки.

– Ты меня достал, Гога.

– Эй, Серенький! – проникновенно произнесла Анюта. – Я не врубилась: это что, наезд?

– Да какой наезд! – крикнул Сергей. – Просто эти генацвалле решили нас кинуть! Вот так, внаглую!

Грузины засмеялись.

– Вах, вах, вах! – вскинул руки Гурам. – Несерьёзный разговор!

– Он думает, он самый умный, – с сильным акцентом поддакнул Зураб.

– Чудак, – заключил Нодар.

Таким образом, все высказались.

Анюта задумчиво почесала бедро.

– А мне это надо? – спросила она себя. И тут же ответила: – Нет уж, на хер. Валите отсюда, представители Кавказа!

Гурам сверкнул на неё глазами.

– Как ты сидишь, слушай! Сними ноги со стола!

Аня показала кукиш.

– На вот, пососи!

– Она у себя в офисе, – выпятил грудь Сергей, – и сидит как хочет.

Григорий слегка толкнул Гурама в плечо, отчего тот зашатался.

– Пойдём выйдем, Гога.

– Пойдём! – Зураб выхватил из-под рубашки пистолет.

Все замерли.

Первой опомнилась Анюта. Сдёрнув ноги со стола, она цапнула телефонную трубку.

– Ну, суки… ладно!

Гурам сжал её руку.

– Не шуми. Я буду говорить с хозяином.

– А как же, сейчас поговоришь! – Она ощерилась на него дыркой от зуба. – Будете мне тут стволами тыкать!

– Похоже, у нас гости, – раздался вдруг мягкий вкрадчи-

вый голос. В комнату вошёл упитанный мужчина в джинсах и в белой рубашке с закатанными рукавами. Его сопровождало четверо дюжих парней ростом чуть пониже Григория.

– Лысый! – воскликнула Аня. – Где тебя носит, мудило?!

Вошедший поморщился.

– Перестань ругаться: терпеть не могу, – сказал он негромко и кивнул на пистолет в руке Зураба. – Чтоб я этого не видел.

Один из парней приблизился к Зурабу и протянул руку ладонью кверху. Чуть поколебавшись, Зураб отдал оружие.

– На предохранителе, – сообщил парень, лениво катая во рту жвачку. И, вытащив обойму, вернул пистолет владельцу. – Спрячь подальше.

Упитанный мужчина расстегнул пуговку на рубашке.

– О чём тут базар?

– За пивом твоим сраным приехали, – ехидно ответила Аня.

– Ведь я просил не ругаться. – Хозяин внимательно оглядел присутствующих. – На вас на всех пива не хватит.

Охранник, разрядивший пистолет, предложил:

– Очистить помещение, Лысый?

– Э—э… уважаемый! – обратился к хозяину Гурам. – У меня брат из тюрьмы выходит…

Лысый невозмутимо кивнул.

– Очень рад. Поздравляю.

– Спасибо, дорогой. Мне сказали: «Гурам, возьми деньги

и купи десять тысяч банок „Гиннесса“ по шестьдесят центов за банку». Вот я поехал…

– По шестьдесят центов? – переспросил хозяин и обменялся взглядом с Аней. – Это интересно.

Гурам взял у Нодара кейс.

– Деньги я привёз, дорогой. Какие проблемы?

Григорий ударил кулачищем в свою же ладонь.

– Проблемы у тебя будут, сучок хуев!

Четверо охранников почти синхронно сделали движение в его сторону, но Лысый остановил их жестом. Он подошёл к Грише и, склонив голову набок, посмотрел снизу вверх.

– Надо же, какой здоровенный. Ты без мата говорить умеешь? Или слов не хватает?

– Хватает, – проворчал Григорий. – Заколебал он меня уже.

Переведя взгляд на Сергея, хозяин усмехнулся.

– Посредники? Пиво, между прочим, я продал ещё вчера. Интересно, у кого тут будут проблемы?

По комнате прошелестел общий вздох. Послышались не громкие, но темпераментные речи на грузинском и на русском языках.

– Лысый, ты оху… опупел?! – вскричала Анюта. – Что ж ты меня подставляешь, ху… корень моржовый?

– А кто тебя уполномочил заниматься пивом? – возразил хозяин. – Или ты мой начальник?

– Я ж помочь хотела! Ты говорил: срочно!

Лысый подошёл к ней и посмотрел в упор.

– Через пятнадцать минут финские гарнитуры прибудут. Проследи за разгрузкой.

– Петрович проследит.

– Петрович лыка не вяжет. Кто его накачал с утра, как думаешь? – Он дёрнул Аню за ухо и обратился к Гураму. – «Бавария» есть, двадцать тысяч банок. Имеешь интерес?

Грузины обменялись взглядами.

– Тёмное или светлое? – спросил Зураб, поигрывая пистолетом без обоймы.

– Светлое. И забрать нужно до шести вечера.

– Даже не знаю, дорогой. – Гурама одолевали сомнения. – Вообще-то, мне «Гиннесс» заказывали…

– Уступлю по 30 центов. Давай свои шесть штук и в расчёте.

Гурам едва не подпрыгнул.

– Шутишь?!

Хозяин подмигнул с усмешкой.

– Забирай побыстрее.

– Ворованное? – с детской непосредственностью полюбопытствовал Нодар.

Хозяин глянул на него с прищуром.

– Изъято за долги. Тебя что-то смущает?

Грузины стали совещаться. Поскольку их языком никто здесь не владел, секретность переговоров была автоматически обеспечена. Аня тихонько толкнула Сергея.

– Накрылась твоя сделка, Серенький.

– Почему он Лысый? – Сергей угрюмо кивнул на хозяина. – Прическа, вроде, на месте.

Аня приоткрыла в улыбке дырку от зуба.

– Фамилия у него – Лысенко.

Хозяин, очевидно, ее услышал.

– Ты ещё здесь, золотко? – спросил он с тем же прищуром. – А ведь я рассержусь.

Анюту будто ветром сдуло.

– Берём, дорогой, – объявил между тем Гурам. – Доставка ваша?

– Обсудим, – сказал хозяин. – Посредники свободны. Как говорится, спасибо за внимание.

Сергей и Григорий поплелись к выходу.

– И вам спасибо, – через плечо буркнул Сергей.

– Э-э… погоди, дорогой! – крикнул ему Гурам.

– Отвали, Гога! – прогремел Гриша, захлопывая за собой дверь.

Выбравшись из полуподвала, они зажмурились от яркого солнца. Духота стояла нестерпимая. Всё словно замерло, лишь какая—то очумелая птаха распевала в листве тополя.

– Ю о'кей? – спросил Григорий, открывая дверцу «нивы».

Сергей собрался было ответить коротко и смачно, однако заметил бегущего к ним Зураба.

– Сейчас я его урою, – процедил сквозь зубы Сергей.

Зураб подбежал, улыбаясь.

– Вот возьми. – Он сунул что-то в карман серёгиной рубашки. – Гурам сказал, – кивнул он на Гришу, – купи ему штаны. – И грузин припустил обратно.

Сергей извлёк из кармана купюру в 50 долларов.

– Ну, падлы! – побагровел он. – Сейчас я им, бля…

– Да ладно тебе, Серёнь! – Григорий выхватил у него купюру и положил ему же в карман. – Хорош разоряться.

Сергей бросил на него презрительный взгляд.

– Хочешь взять подачку? Да, Гринь?

– Ага. – Григорий сел за руль. – Столько мы заработали, ам сори. Мы и этого не стоим.

– Да нас просто кинули, мудило! – Сергей стоял у распахнутой дверцы. – Хочешь это проглотить?!

Гриша взглянул на него, как на больного.

– Серёнь, мы еле задницы унесли. Ты чё, не врубился?

Хлопнув дверцей, Сергей зашагал прочь.

Григорий завёл мотор и медленно поехал с ним рядом. Так они шли—ехали вдоль по улице до тех пор, пока Сергей не наткнулся на торговку помидорами, опрокинув пару ящиков.

– Ну ты, отморозок! – взревела пропотевшая баба. – У тебя глаза где, на жопе?!

– Извините, – пробормотал Сергей, в то время как прохожая старушка бойко совала упавшие помидоры к себе в кошёлку.

Через открытое окно «нивы» Григорий пробасил:

– Серёнь, гляди: бананами торгуют. Толкни их пузом, а я подберу. А, Серёнь!

– Послушай, придурок… – собрался ему выдать Сергей, однако махнул лишь рукой и влез в притормозивший джип. – Давай пропьём эти баксы, – предложил он.

– Ну, Серёнь, – Гриша резко рванул с места, – умнеешь на глазах. Смотри, вон пошла: прямо трусы виднеются. А ножки в норме, да, Серёнь? Сейчас заедем в кафешку, тут поблизости. Там такие шашлыки!

Обшарпанный джип лихо развернулся на проезжей части, прямо перед грузовиком, и покатил по нагретому шоссе. Остановить его никто не пытался: кому, в сущности, он был нужен.

2. Капуста при свете луны

Если в театральной проходной повесили зеркало, это вовсе не означает, что проходящие мимо актёры должны вспоминать о недостатках своей внешности. Оля Казанцева, например, относилась к своему отражению весьма благосклонно. Из зеркала ей улыбалась очаровательная блондинка в белой блузке, в белых брючках и в белых босоножках на каблучке. И девушка эта, несмотря на жару, выглядела свежей, словно только что из холодильника.

– Хороша, чего уж там! – похвалила вахтёрша.

Это прозвучало искренне, и Ольга печально отозвалась:

– Старею, тётя Настя, старею.

– Попробуй сесть на диету, – посоветовала из-за её спины веснушчатая физиономия с торчащими рыжими волосами. – Или походи в бассейн дважды в неделю.

– Да, Алевтина, – вздохнула Ольга, – умеешь ты сказать приятное.

– Стараюсь. – Алевтина потрогала рукав Ольгиной блузки. – Хороший матерьяльчик. Как тебе наш паноптикум?

Ольга улыбнулась.

– Планы грандиозные. Польские гастроли многим ударили в голову.

– То есть тебе как бы всё равно? – Алевтина тщетно пыталась, расчесать свои непокорные пряди. – Ты как бы выше

этого? Ольга взглянула на неё с сожалением.

– Извини, Аль: меня ждут.

– Нет, ты не ускользай. Ты ответь…

Актрисы вышли из проходной. Ослепительно сверкало полуденное солнце. Ольга расстегнула на блузке пуговку и надела тёмные очки. Рыжие волосы Алевтины походили на солнышко в миниатюре, и цветы на её платье подрагивали от ветерка.

– Ба! – воскликнула Алевтина, приставив ладонь козырьком. – Да это же Валя Гиршин!

Высокий мужчина возле зелёной «хонды» помахал им рукой. Ольга перекинула через плечо изящную белую сумку.

– Пока, Аль. Я пошла.

– Фигушки, – возразила Алевтина, – я должна поздороваться. Это же Валя Гиршин! – повторила она, приближаясь к зелёной «хонде». – Ты один и без охраны!

Мужчина приветливо ей улыбнулся, и по его загорелому лицу, как мелкие трещины, побежали морщинки.

– Здорово, душа моя. Всё хорошеешь.

– Куда уж мне! – Алевтина покосилась на Ольгу, по—хозяйски приоткрывшую дверцу автомобиля. – Тут и без меня прелестниц хватает. Сам—то как?

Мужчина пожал плечами.

– По-всякому.

– Понятно, – вздохнула Алевтина. – А мы вот из Польши вернулись. Уезжали, стояла жара. Там было, как в парилке.

Приезжаем – в Москве пекло. Кошмар какой—то!

Ольга раздражённо вмешалась:

– Алька, мы спешим. О погоде – в другой раз.

– Спокойно! – Мужчина с улыбкой встал между ними. – Ну и как гастроли? – обратился он к Алевтине.

– Полный триумф! Наш Смирницкий, ну ты представляешь… – Алевтина забавно передразнила осанку и походку худрука, – просто купался в лучах славы. Это надо было видеть!

Мужчина рассмеялся.

– Могу себе представить.

Тут дверь проходной шумно распахнулась, и длинноволосый субъект, раскинув руки, взревел:

– Валя, подлец! Приди в мои объятья!

Владелец «хонды» просиял.

– Сам приди, каналья!

Объятья тут же состоялись, сопровождаясь фырканьем и похлопыванием по спине.

– Здоровый, гад!

– Ага! Возьмёшь на фирму грузчиком?

Ольга выглянула из окна машины.

– Просись, Вань, в шуты. Могу похлопотать.

– Молчи, капуста! – отмахнулся длинноволосый.

Владелец «хонды» обернулся к Ольге.

– Новая кликуха?

– Роль у неё такая, – охотно пояснил Ваня, – в детском

спектакле. Там колдунья превращает принцессу в кочан капусты. Это большое достижение отечественной драматургии. Притом находка режиссуры: при свете луны тень от капусты напоминает розу.

– Смирницкий от этого кипятком писал, – хихикнула Алевтина.

– В результате всех перипетий, – продолжил Ваня, – храбрый принц (его, естественно, играю я) эту самую капусту расколдовывает, и она в гнусном облике Ольки укатывает в твоём гнусном зелёном авто.

Алевтина вновь хихикнула.

Ольга сдвинула тёмные очки на кончик носа.

– Очень смешно. Валь, мы опаздываем.

Владелец «хонды» с явным сожалением развёл руками.

– Ладно, ребята. Рад был с вами…

– Плюнь на всё, – перебил Ваня. – Поехали на пляж.

Алевтина взяла его под руку.

– Пойдём, лапа. Им с народом не по пути.

Ваня отстранился от неё королевским жестом и обратился к спутнику Ольги:

– Валентин, хочешь стихи на дорожку?

– Валяй, – с улыбкой кивнул Валентин.

Прокашлявшись, Ваня продекламировал:

Олю и Алю
Прибили к роялю,

Чтоб Аля и Оля
Не портили роли.

Валентин расхохотался.

Ольга посмотрела на Ваню поверх очков.

– Ты сегодня в ударе, блестишь прямо. Валька, поехали!

Продолжая смеяться, Валентин сел за руль, завёл мотор и помахал в окошко. Автомобиль плавно тронулся с места. В боковом зеркале мелькнули фигурки Вани и Алевтины. Ольга извлекла из сумочки сигареты и зажигалку.

– Олю и Алю прибили к роялю, – повторил Валентин. – Классно!

Опустив стекло, Ольга закурила.

– Что-то, милый, ты возбудился.

Валентин покосился на неё и спросил:

– Нам куда?

– На Кутузовку.

– В «Украину», что ли?

– Нет, он квартиру снимает. А тебе, похоже, льстит любовь коллектива.

Валентин вновь на неё покосился, и морщинки собрались над его переносицей.

– Может, адрес назовёшь?

– Я покажу, где поворачивать. – Ольга стряхнула пепел за окно. – Валь, извини: я жутко психую.

– Брось. – Он положил руку ей на колено. – Объясни, что

я должен делать.

Ольга описала сигаретой полукруг.

– Ну, понимаешь… особнячок на Воровского, жильцов переселили, требуется ремонт…

– Ты мне это уже говорила. Моё—то присутствие зачем? В чём, так сказать, сверхзадача?

– Слушай, иди к чёрту! – Ольга стряхнула его руку с колена. – Если тебе так трудно, останови – я сама!

Резко притормозив, Валентин погудел зазевавшейся бабуле. Старушенция в ответ погрозила клюкой.

– Ах ты, хулиганка! – крикнул в окно Валентин и повернулся к Ольге. – Что всё-таки я должен делать? Объясни на двух пальцах.

– А как ты думаешь? – Ольга выбросила в окно окурок. – Я, по-твоему, одна к нему попрусь?

– Он, вроде, молодой интеллигентный миллионер? Или я что-то не так понял?

– Прежде всего, он араб. Нужны мне эти приключения в конце жизни?

– Допустим, – вздохнул Валентин. – А кто охранял тебя раньше?

– Раньше мы встречались в ресторане. Теперь он обнюхал особняк с чердака до подвала, вроде бы, созрел и желает поговорить у себя на квартире. Можешь посидеть со мной рядом?

– Нет проблем.

Ольга чмокнула его в щёку.

– Стоило разговор заводить?

Валентин приоткрыл было рот, но промолчал. И лишь выруливая на проспект Кутузова, сухо подытожил:

– Значит, мы просто заходим, я тихо сижу и в переговоры не лезу, так?

Ольга положила его руку себе на бедро.

– Такой глупости я не говорила. Если поймёшь, что я буксую… Направо давай. Если я чего—то не просеку… Ещё направо. И сразу налево. Стоп, дорогой. Я очень на тебя рассчитываю.

Они остановились в просторном чистеньком дворе у широкого подъезда и вышли из машины.

– Представишь меня как делового партнёра, – предложил Валентин, закрывая «хонду». – Так солиднее будет.

– Конечно, – кивнула Ольга. – На шесть минут опоздали. Набрав код, они вошли в подъезд и поднялись в лифте на девятый этаж. Дверь открыл спортивного вида араб с белозубой улыбкой на чеканном смуглом лице.

– Здрав-ствуй-те, здрав-твуй-те! – старательно произнёс он.

– Телохранитель, – шепнула Ольга и улыбнулась арабу.

– Здравствуйте, Омар. Тофик меня ждёт?

– Иес, йес! – закивал телохранитель. – Тофик ждьот!

Из-за спины араба вышел подтянутый молодой человек в летнем костюме и при галстуке.

– Прошу, Ольга Михайловна. – Он сделал приглашающий жест. – Тофик сгорает от нетерпения. В мыслях он уже вселился в ваш особняк.

– Надеюсь, мы его не разочаруем. – Ольга взяла Валентина под руку. – Это мой деловой партнёр Валентин Гиршин. Прошу любить и жаловать.

Молодой человек протянул Валентину мягкую ладонь.

– Очень приятно. Константин, переводчик.

Они пожали друг другу руки, и все прошли в комнату. На сервировочном столике в окружении маленьких бутылочек «пепси» стояло блюдо с фруктами. Черноглазый толстячок с тонкими усиками умело нарезал дыню. На нём были джинсы и майка, такие же, как на телохранителе. Он приветливо помахал ножом.

– Здрав-ствуй-те, Олья! Как делья?

– О, Тофик, – улыбнулась Ольга, – у вас грандиозные успехи в русском языке.

Тофик вопросительно посмотрел на Константина, и тот перевёл Ольгину реплику на английский. Арабский миллионер приложил руку к сердцу и ответил тоже по—английски.

– Он говорит, – перевёл Константин, – что русский язык хорошо даётся тем, кого обучают красивые женщины. Но красивые женщины в вашей стране, к сожалению, слишком заняты бизнесом.

Ольга грациозно сделала реверанс.

– Мой деловой партнёр, Валентин, – представила она.

– Ва-льен-тьин, – героически повторил Тофик и заявил, что у такой женщины должно быть много деловых партнёров,

– Хвала Аллаху, – ответил Валентин, – если хоть один сумеет выдержать её характер.

Услышав перевод, Тофик рассмеялся и пригласил их садиться. Кресел было всего три. Их заняли гости и хозяин. Переводчик принёс себе стул с кухни, а телохранитель с журнальчиком примостился в углу на софе. Тофик предложил гостям «пепси», гости вежливо поблагодарили. От чая и кофе они так же отказались, и хозяин перешёл к делу.

Ваш дом, сказал он, весьма неплох, однако, нуждается в солидном ремонте. И месторасположение его мне нравится. Но у вас нет частной собственности на землю, поэтому владение недвижимостью в вашей стране – просто фикция. Лицо Тофика стало серьёзным и озабоченным. А если я возьму это здание в аренду, вложив деньги в ремонт, развивал он свою мысль, то где гарантия, что ваши власти в любой момент не прервут арендный договор. Надеюсь, что вы, Ольга, и ваш партнёр, как—то на сей счёт меня успокоите.

Переведя последнюю фразу, Константин ослабил узел галстука и облегчённо повертел шеей.

Ольга с обожанием смотрела Тофику в глаза.

– Вы удивительно чётко и своевременно ставите вопрос, – проворковала она, – однако в этом мире даже сам Господь остережётся давать гарантии. С другой стороны, зачем на-

шим властям вас обманывать? Что им за выгода?

Насмешливо глянув на Ольгу, Тофик протянул ей ломтик дыни.

– Он говорит, – перевёл Константин, – что ваша улыбка сама по себе заслуживает инвестиций.

Это был щелчок по носу. Но какой!

С царственным видом Ольга приняла дыню и надкусила.

– Увы, – сказала она, – моя улыбка едва ли привлечёт капитал. Она лишь украшение гостиной.

Валентин одобрительно хмыкнул. Услышав перевод, Тофик рассмеялся и сказал «о'кей». В атмосфере ощущалось напряжение. Ольга метнула на Валентина умоляющий взгляд.

И Валентин обратился к арабу:

– Пока мадам занята дыней, я попробую встрять в разговор. Возможно, мне удастся как—то прояснить ситуацию.

Тофик сказал «о'кей» и воззрился на него с ироническим вниманием.

– Прошу учесть, – вставил переводчик, – через двадцать минут у нашего кувейтского друга очередная встреча.

– Уложимся, – пообещал Валентин, демонстрируя арабу американскую улыбку. —Насколько я понимаю, сэр, вы покупаете дом не для отдыха и развлечений. В этой сфере Москва едва ли способна конкурировать с Гавайями, не так ли?

– Совершенно с вами согласен, сэр, – через переводчика

ответил Тофик. – Я приехал делать бизнес, мне нужен дом, и что из этого следует?

– Из этого следует, что вы доверяете нашей власти гораздо больше, чем я. С той лишь разницей, что я вынужден эту власть терпеть, а вы отдаётесь ей добровольно.

Брови араба удивлённо поползли вверх.

– Я доверяю вашей власти? Кто, чёрт возьми, это сказал?

Улыбка словно приклеилась к лицу Валентина.

– Это же очевидно, хитрый мой восточный козлик…

– Но-но, без хамства, – предупредил переводчик.

– Ничего, отредактируешь, – обронил Валентин, не глядя в его сторону. Он преданно смотрел арабу в глаза. – Если тебе, душа моя, так приспичило стать у нас домовладельцем, значит, ты считаешь, что дело того стоит. Ты почему-то не боишься, что правительство, придумав идиотскую причину, прикроет твой сверхприбыльный бизнес. Тебя смущает лишь отсутствие частной собственности на землю. Не смешите меня, сэр.

– Вот именно, – буркнула Ольга. – Умница.

Тофик пристально посмотрел на Валентина. Чёрные глаза араба выражали неподдельный интерес.

– Продолжайте, – сказал он.

Валентин глубокомысленно сморщил лоб.

– Городские власти, в принципе, заинтересованы в привлечении капиталов и, конечно же, постараются с вами не конфликтовать. Вам, Тофик, остаётся лишь оценить ожи-

даемую прибыль и возможные потери в случае, если вас всё же надуют. Какие у него там сроки аренды? – обратился он к Ольге.

– Сорок девять лет с правом выкупа. – Ольга положила на стол шкурку от дыни. – Пусть спасибо ещё скажет…

– Ну, благодарить-то ему не за что, – перебил Валентин и вновь обратился к Тофику: – Иными словами, вам нужно оценить, за какой срок, если дела пойдут нормально, ваш особняк себя окупит. Думаю, пятьдесят лет ждать не придётся.

Тофик возвёл глаза к потолку.

– Если дела пойдут нормально! Кто может это знать, кроме Аллаха?

Араб продолжал ещё говорить, но переводчик вдруг примолк и встал со стула.

– Айм сори, Тофик. – Он постучал по своим часам.

– О йес! – воскликнул Тофик, продолжая, однако, сидеть. Он вновь протянул Ольге ломтик дыни. Ольга отрицательно качнула головой. Тофик заговорил, и Константин, со вздохом присев на краешек стула, вынужден был переводить:

– По вашим условиям, если не ошибаюсь, я должен заплатить полтора миллиона долларов плюс двести тысяч наличкой, и ремонт за мой счёт. Правильно?

– Не совсем, – потупилась Ольга. – Условия немного изменились. Префектуре вы должны перечислить два миллиона долларов, всё остальное – по—прежнему.

Тофик рассмеялся, что-то пробормотал и положил в рот виноградину.

– Он говорит, – перевёл с усмешкой Константин, – что слышал о нашей инфляции, но даже не представлял её темпов.

Ольга виновато развела руками.

– Айм сори.

Тофик что-то произнёс по—арабски, и телохранитель, выронив журнал, метнулся на кухню. Переводчик вновь постучал по своим часам. Араб кивнул и обратился к Валентину:

– Когда я могу ознакомиться с проектом договора? – перевёл Константин, с облегчением поднимаясь со стула.

– Он у меня с собой, – встрепенулась Ольга.

– Как удачно, – буркнул Валентин, также поднимаясь.

Торопливо раскрыв сумку, Ольга достала несколько сложенных пополам листов. Переводчик взял у неё текст и возмутился:

– Почему по-русски?

– Ну, Костик! Ну, пожалуйста! – Ольга проникновенно заглянула ему в глаза. – С меня ведро шампанского!

– Ну да, как что – так Костик, – проворчал переводчик. – Хорошо, я его ознакомлю. Наверное, он сделает какие—то поправки и мы окончательно согласуем текст с префектурой. Минутку! – Он задал вопрос по—английски. Тофик ответил, и Константин перевёл: – Можем встретиться завтра в два.

Поправки будут готовы.

– Отлично! – просияла Ольга. – Мне нравится ваш стиль! Но… ничего, если я приеду одна? Валентин завтра занят.

Переводчик пожал плечами.

– Дело ваше, – сказал он, деликатно выпирая их в прихожую. С кухни доносился аромат свежепомолотого кофе.

– Гуд бай, Тофик! – помахала рукой Ольга, выходя.

– Какие у вас ароматы! – повёл носом Валентин. – Жаль, мы отказались.

– Ага, – переводчик проводил их до двери, – он будет сейчас кофеёк распивать, а мне перед людьми оправдываться.

– До—сви—данья, Олья! – прокричал из комнаты Тофик.

Переводчик приоткрыл перед ними дверь.

– Слушай, – спросил, выходя, Валентин, – ты из ФСБ?

Взгляд молодого человека стал холодно-колючим.

– Считайте, я просто в костюме. Завтра в два, Ольга Михайловна.

– Без опозданий, – заверила Ольга, и дверь за ними закрылась. – Куда, чёрт возьми, тебя несёт! – Ольга чмокнула Валентина в щёку и вызвала лифт. – Ты был великолепен, милый!

– Молчи уж, капуста! – пропустив её в лифт, Валентин нажал на кнопку. – Двести тысяч налом! Предупредила бы хоть.

– И что б ты сделал?

– Памперсы бы надел. Странно, что он не вытолкал нас

взашей.

Ольга достала сигареты.

– Во—первых, он знал условия. – Щёлкнув зажигалкой, она закурила. – А во-вторых, я тебе не капуста. В наше время, дорогой, берут и больше.

Поморщившись, Валентин отогнал рукой дым.

– Кто-то берет, – лифт остановился, и они вышли, – кого—то отстреливают, душа моя. Сколько вас там на двести тысяч? Посредников, я имею в виду.

– Только я да Капа. Иначе не работаю.

– Да ну? То и дело открываю в тебе нечто новое. – Валентин щурился на солнце, и морщинки на его загорелом лице собрались вокруг глаз. – Кто такая Капа, если не секрет?

– Она служит в Центральной префектуре. – Ольга с улыбкой взяла его под руку. – Тебе лично, милый, я отстегну из своей доли. Не бойся: не обижу.

Валентин пристально на неё посмотрел.

– Н—да, похоже, ты не шутишь. – Он открыл машину. – Залазь, капуста, мне на работу надо.

Раздавив сигарету, Ольга забралась внутрь и опустила стекло.

– Вперёд! – скомандовала она и, когда автомобиль набрал ход, сделала страшные глаза. – А вот за эту ванькину «капусту» я тебе волосёнки—то повыдёргиваю!.. Ну, чего загрустил? Жара действует?

Валентин вздохнул.

– К Ваньке хочу. Соскучился.

– Серьёзно? – хохотнула Ольга. – Зачем же ты ушёл из театра? Сидел бы себе, душевно общался… Ты, кстати, был приличным художником, однако слинял и правильно сделал. Можешь высадить меня у метро.

– Ну, правильно-неправильно, а художником я был дерьмовым, нечего тут заливать. До дома я тебя всё равно подброшу.

Ольга обняла его и куснула за ухо.

– Обожаю! – страстно прошептала она. Оба рассмеялись. – Нет, правда, – буднично произнесла Ольга, – обожаю и боготворю. Вот какой ты счастливчик.

Валентин иронически на неё покосился.

– Сколько лет мы знакомы?

– Где—то около восьми. А что?

– Ведь, в сущности, я тебя не знаю.

– Да ну? – округлила глаза Ольга. – Сейчас мы это проверим. – Она расстегнула блузку. Грудь её под лифчиком была высокой и упругой. – Ну-ка, милый, где у меня родинка?

Валентин даже не улыбнулся. Он проскочил на жёлтый свет, обогнал коптящий грузовик и небрежно полюбопытствовал:

– Почему ты решила завтра идти без меня?

– К Тофику, что ли? – игриво уточнила Ольга. – Но ты ведь так занят… А я сегодня поняла, что этого араба моё роскошное тело вовсе не интересует: бизнес прежде всего.

Зачем тебя напрасно дёргать? Тем более что вопрос чисто технический…

– Ладно, успокоила, – с усмешкой перебил Валентин. – Мне совсем другое померещилось.

Ольга застегнула блузку.

– И что же тебе померещилось?

– Даже вспоминать неловко, – отмахнулся Валентин.

Они доехали молча. Ольга приоткрыла дверцу.

– Думаешь, у меня к Тофику амурный интерес? – натянуто улыбнулась она.

– Нет, – покачал головой Валентин, – я думаю, ты испугалась, что придётся со мной делиться.

Ольга застыла, коснувшись ногой тротуара.

– Эту бредятину, – сказал она, – я даже обсуждать не желаю.

Валентин вздохнул.

– Извини. Старческая мнительность.

– Похоже на то. – Ольга вышла и, захлопнув дверцу, заглянула в открытое окошко. – Так я тебя жду, мерзавец?

– Ага.

– Во сколько?

– Около восьми.

– О'кей. С меня ужин. А за твою мнительность с тебя шампанское.

Валентин кивнул и уехал.

Перекинув через плечо сумку, Ольга зашагала к своему

подъезду. Перед военным с пуделем на поводке, перед мамашей с дитём в коляске, перед стариками, играющими в домино, промелькнула блондинка вся в белом – стройная и прелестная, словно фея.

Однокомнатная ольгина квартира была под стать хозяйке – чистенькая и ухоженная, просто загляденье. От мебели до занавесок всё было в тон, всё было на месте. Переступив порог, Ольга, как обычно, оттаяла душой. Она влезла в пушистые тапочки, взяла радиотелефон и уютно устроилась на диване.

– Капитолину Евграфовну мне, – проговорила она хриплым, испитым голосом.

– Слушаю вас, – настороженно отозвались на другом конце провода.

– Ты слушай, блин, слушай! – прохрипела Ольга. – Пока, блин, тебе уши не оборвали.

– Вы по какому вопросу? – голос в трубке звучал растерянно.

– По личному, блин, – прыснула Ольга.

– Ален… ты, что ли?

– Капуля, кто же ещё?! Признайся, перетрухала?

Голос в трубке потеплел.

– Дождёшься ты у меня, хохмачка… По прямому ведь звонишь. Давай, короче,

– Короче, всучила я ему договор. К завтраму изучит и внесёт поправки.

– Ой, Алён! Прямо, это самое… нет слов!

– Слов не надо. Лучше подумай, как мы будем свой профит вытаскивать. Не кинули бы.

– Не бери в голову: моя проблема. А насчёт новых условий… как он, заглотил?

– Подколол только. Я, говорит, знал, что у вас инфляция, но чтоб настолько… В общем, нормально.

– Умненькая девочка. Теперь посмотрим, что он нам начеркает.

– А что, Кап, он может соскочить? – встревожилась Ольга. – Если, допустим, поправки его не пройдут…

– Протащим, – хихикнула Капа, – за такие бабки. Согласуем. Это самое… ты завтра во сколько?

– В два. И сразу к тебе. Пропуск мне закажи…

– Нет, сперва позвони, – отрезала Капа.

– Зачем? – удивилась Ольга. – Тебя на месте не окажется? Ах, да! Ты ведь большой начальник!

В трубке послышалось раздражённое сопение.

– Позвони: встретимся на стороне. Зачем зря светиться, дурында?.. Поняла? Всё, чао!

– Чао—какао, – проворчала Ольга и положила трубку на журнальный столик.

Телефон, однако, тут же зазвонил. Из трубки раздался кашель, затем скрипучий голос:

– Оля! Наконец-то я вас поймал! Ольга поморщилась.

– Чем порадуете, Андрей Петрович?

– Сделка состоялась.

– Ура! – воскликнула Ольга. – Когда получим деньги?

– Хоть сейчас.

– Приятный пустячок. Супруги дома?

– Да, ждут моего звонка. Расписку не потеряли?

– Ах, Андрей Петрович! – Ольга подошла к серванту и, выдвинув ящик, достала коробку из-под конфет. – Только бы вам обидеть Оленьку, только бы её унизить! – В коробке лежали сложенные вчетверо бумажные листки. Ольга безошибочно развернула один из них. – Друг мой, я хорошо умею хранить документы.

В трубке вновь послышался кашель.

– Ладно, это я для порядку. Давайте через полчаса на Таганке…

– Не гоните лошадей, Андрей Петрович. – Ольга спрятала расписку в сумочку. – Сперва девушке надо в душ. Потом девушка должна попить кофе с пирожным…

– Тогда во сколько? – раздражённо проскрипел Андрей Петрович.

– Так, сейчас соображу. – Ольга посмотрела на свои часы. – Давайте в полшестого, ладно?

– Ладно, я договорюсь. Значит, в пять на Таганке.

– Нет, в полшестого прямо у их подъезда. Только без опозданий: к семи я должна быть дома.

– Оля, почему вы командуете? Вы даже не поинтересовались, удобно ли мне…

– Миленький мой, – вкрадчиво перебила Ольга, – если вам неудобно, я ведь могу и сама. Сегодня получу деньги, а завтра отдам вашу долю.

После очередного приступа кашля голос проскрипел.

– Ладно, в полшестого у их подъезда. – В трубке послышались гудки.

– Старый пердун! – буркнула Ольга, включая магнитофон, и под пение Тома Джонса стала медленно раздеваться.

Натёртый паркет празднично блестел. Ольга ритмично изгибалась и пританцовывала, а любопытное солнце пыталось подглядывать сквозь занавески. Избавившись наконец от трусиков, Ольга выключила музыку и впорхнула в душ.

Когда она вышла вся в капельках влаги, телефон верещал, как голодное дитя. «Иду! Иду!», – успокоила его Ольга.

– Где тебя черти носят? – сердито произнёс приятный женский голос. – Не успела я оглянуться, как ты усвистала.

– Зин, я не усвистала, я спокойно ушла, – возразила Ольга.

– Ага. И Алевтину с собой прихватила.

– Зиночка, мы с Алькой – свободные люди. Согласна?

– На кой чёрт мне ваша свобода?! Речь идёт о вашей совести, капуста души моей!

«Ну, началось!» – буркнула Ольга, отстраняя трубку от уха. Секунд через двадцать она отчеканила в микрофон:

– Я прочла пьесу.

– … и если мы элементарно не уважаем друг друга, из этого дерьма нам вовек не…

– Зинуля, мать твою! – гаркнула Ольга. – Я прочла пьесу ещё вчера.

Голос в трубке будто захлебнулся и после короткой паузы произнёс:

– Что ж ты молчишь, стерва?

– А что говорить? Вариант чисто коммерческий, раскручивать надо. Поговори с Алькой: я всё ей обрисовала.

– Альку надо ещё выловить! А ты—то как? Не увиливай.

– Насчёт внепланового спектакля, Зин… Извини, по—моему, дело дохлое.

– Почему? Обкатаем, подзаработаем…

– А ставить будет Гена Велихов? Нет уж, без меня!

– Конечно, конечно, – мелодичный голос сделался ехидным, – тут люди заработать хотят, а тебе подавай высокое искусство. В эти игры наша Ляля не играет: не желает разменивать талант.

Ольга стянула с головы полотенце и повесила на спинку стула.

– Не обижайся, Зин. Это, правда, не для меня.

– Всё же подумай, – не сдавалась Зина. – Отказаться легче всего.

– Ладно, подумаю, – дипломатично согласилась Ольга. – Отпуск до сентября, время есть. Созвонимся, Зинуль. Целую.

С возгласом «о, майн гот!» она швырнула трубку на диван и голышом отправилась на кухню. Там она, как обещала,

выпила кофе с пирожным (и не одним, а с тремя), затем, совершенно удовлетворённая, стала одеваться, сушить волосы феном и наводить марафет. Ольга спешила, поэтому через полчаса из зеркала ей улыбалась очаровательная блондинка в синей блузке, в синей короткой юбочке и, разумеется, в синих туфельках на шпильке. Где тот монах, который способен устоять?

Критически себя оглядев, Ольга надела на руку часики. Время ещё оставалось. Она присела на диван и, скрестив стройные ножки, закурила. Затем, чуть поразмыслив, взяла телефонную трубку и набрала номер. После множества гудков в трубке наконец прорезался невнятный женский голос. Глаза Ольги хищно сузились.

– Привет, Галина! – проговорила она. – Дрыхнешь средь бела дня?

– Угу, есть маленько, – последовал смачный зевок. – Антона и Саньку в Анталию отправила, прилегла вот со скуки… Тебе чего, Оль?

Ольга дёрнула изо рта сигарету, уронив пепел на ковёр.

– Угадай, мать твою! С трёх попыток!

– Насчёт шубы, что ли? – голос в трубке напрягся. – Завтра мне принесут: норка за пять штук – полный атас. Приходи мерить.

– Какая, к свиньям, норка?! Долг отдавай!

Послышался вздох.

– Вот ты про что… Отдам я твои деньги. Неужели дума-

ешь, не отдам?

– Когда?! Говори конкретно! – взорвалась Ольга.

– Ты не ори, ладно? – Голос в трубке тоже крепчал. – Если не в этом месяце, так в следующем отдам обязательно.

– Погоди, погоди, Галь! – Ольга пыталась сдержаться, но бешенство её рвалось наружу. – Я дала тебе две тысячи баксов под десять процентов на два месяца. Так или нет?

– Оль, я ж не спорю, я…

– Галочка! Прошло уже полгода, и ты должна мне три двести! Между тем, дорогая, ты торгуешь мехами, семья твоя отдыхает в Турции…

– Тебе что за дело, сука рваная?! – Должница вдруг перешла на визг. – Хочешь на меня наехать, да?! Я так на тебя наеду, прошмандовка, от стенки не отскребёшь! Поняла?!

Ольга потушила сигарету в пепельнице. Пальцы её подрагивали, лицо побледнело, но голос прозвучал на удивление спокойно:

– Остынь, Галь. Глупо нам ругаться, как торговкам на базаре.

– Ты первая начала.

– Извини, погорячилась. Когда, говоришь, отдашь? В следующем месяце?

– Может, раньше. Оль, я ж не против…

– Ладно, столько ждала – перебьюсь. Какая у тебя там норка: светлая или тёмная?

– Тёмная, Оль. Чёрная почти. Как раз к твоим волосам.

Уж сколько у меня шуб перебывало, но эта – полный атас!

– Ты меня прямо заинтриговала. Могу я её завтра примерить?

– Конечно, Оль. Во сколько тебе удобно?

– Дай-ка соображу… В двенадцать можно?

– Самое оно. Приезжай.

Попрощавшись, Ольга с трубкой в руке задумчиво походила по комнате. «Единственный вариант», – вздохнула она, собираясь набрать номер. Однако телефон зазвонил сам.

– Здравствуйте. Это Оля? – проговорил молодой мужской голос. – Сергей Попов вас беспокоит. Вы, наверное, меня не помните… я от Татьяны Васильевны.

– Почему же? Я помню вас, Серёжа. – Ольга в досаде взглянула на часики. – Вы уже продали своё пиво?

– Продали без нас. А вы, и правда, не забыли.

– Серёженька, прошло чуть больше недели. На такой срок моей памяти ещё хватает. Извините, я убегаю. Вы меня буквально поймали на пороге…

– Я звоню насчёт помещений под продуктовые склады. Это, вроде, по вашей части? Извините, если я зря вас беспокою…

– Вы не могли бы перезвонить вечерком? – перебила Ольга.

– Конечно, – с готовностью согласился Сергей. – Во сколько?

– После восьми. – Ольга дала отбой и тут же набрала

другой номер. Послышались короткие гудки. Она прошлась по комнате и нажала на кнопку повтора. Опять короткие гудки. «Дерьмо! Дерьмо! Дерьмо!», – в сердцах проскандировала Ольга и наконец дозвонилась.

– Фирма «Алмаз». Добрый день! – отозвался высокий девичий голос.

– Здравствуйте! Гиршина будьте добры! – попросила Ольга.

– Минутку, – произнесла секретарша, и в трубке зазвучала музыка. Ольга ходила из угла в угол, поглядывая на часики.

– Слушаю, – ответил усталый голос Валентина.

– Уф! – облегчённо вздохнула Ольга. – Всё—таки дозвонилась! Как доехал?

– Нормально. Почто звонишь? Вечер отменяется?

– Я тебе отменю! И думать не смей! – прикрикнула Ольга. – Слушай, Валь… твой телефон не прослушивается?

Валентин фыркнул.

– А твой?

– Ну, я не знаю… Валька, я серьёзно!

– И я не знаю. Хочешь открыть мне государственную тайну?

– Да никакую не тайну, просто я… Валь, мне нужны твои бандиты.

После небольшой паузы Валентин вздохнул.

– У меня что-то со слухом. Повтори, пожалуйста.

– Ну, милый, ну я тебя прошу!

– Душа моя, – в голосе Валентина прозвучало раздражение, – у меня полно работы. Если хочешь, чтобы я освободился к восьми…

– Меня обидели, Валь! Очень обидели! – Ольга всхлипнула, кося взглядом в зеркало. – Полгода сволочь долг не отдаёт! А когда я напоминаю… когда напоминаю… – ей удалось всё же сдержать рыдания, – начинает грозить, я же ещё и сука! Скажи, я обязана это терпеть?!

– Ну ладно, ладно, – пробормотал Валентин. – Сколько он тебе должен?

– Больше трёх штук, сволочь такая!

– Расписка есть?

– А как же! Дашь мне Володю?

Валентин помолчал. Слышно было, как он барабанит по столу пальцами.

– Не нравится мне это, понимаешь! – в досаде воскликнул он. – Не хочу, чтобы ты в это лезла!

– Так что же мне, деньги свои дарить?! – крикнула Ольга со слезой в голосе. – Я одолжила по-дружески, а теперь… Так не честно!

Валентин вздохнул.

– Ты знаешь, они берут пятьдесят процентов.

– Сколько, сколько?! – изумилась Ольга. – Пожалуйста, уговори их на триста баксов. Мне бы только припугнуть. На десять минут работы.

– Как это? Объясни.

– Проще пареной репы: зайдём. Припугнём и уйдём. За триста баксов, нормально?

– Ладно, попробую. Всё?

– Спасибо, лапа. Дашь телефон Володи?

– Он сам с тобой свяжется. Всё, до вечера. – Валентин положил трубку.

Схватив сумочку, Ольга пулей вылетела из квартиры. Время двигалось к пяти, жара медленно спадала, и Ольга, красиво двигая бёдрами, торопилась к метро. Она тихонько напевала, и её короткая синяя юбочка трепыхалась от ветерка.

Она опоздала на двенадцать минут. Андрей Петрович всем своим видом выражал негодование. Выглядело это так: невысокий пожилой джентльмен с абсолютно седой шевелюрой взад—вперёд прохаживался у подъезда, нервно поглядывая на часы.

– Не извольте гневаться, – ослепительно улыбнулась Ольга. – Всего пара минут.

– Дело принципа, Оля, – проскрипел Андрей Петрович. – Вы сами сказали: без опозданий.

Ольга взяла его под руку и повлекла в подъезд.

– Не будьте занудой, вам не идёт.

Сидящие на лавочке старушки переглянулись.

– Ни хера себе, кобель! – возмутилась одна из них.

– Не возникай, Фаина, – возразила другая. – Теперь каждый делает, что хочет.

– Он же в отцы ей годится, бесстыдник!

Ольга и её спутник суждений этих, разумеется, не слышали: они поднимались по лестнице на второй этаж, причём Андрей Петрович душераздирающе сопел и кашлял.

– Курить надо меньше, – посоветовала Ольга, давя на кнопку звонка.

– Угу, – буркнул Андрей Петрович, – три дня как бросил.

Дверь открылась. Высокая худая деваха в спортивном костюме возникла на пороге, произнесла «здрасьте» и отступила вглубь. Ольга и Андрей Петрович вошли в тесную прихожую, дальше которой, судя по всему, их приглашать не собирались.

– Леночка, вам не жарко в этой амуниции? – светски поинтересовалась Ольга.

– Нет, у нас прохладно, – деваха протянула Ольге конверт. – Здесь ровно тысяча. Пересчитайте.

– Зачем? – Ольга заглянула в конверт. – Впрочем, для порядка… – Она извлекла стодолларовые купюры, проворно перебрала их пальцами и положила обратно. – Как в аптеке. А здесь неплохой район: зелень кругом, довольно чисто…

– Ольга, вы нас очень подвели, – выпалила вдруг деваха. – Можно было продать квартиру за девяносто две. Знакомые наших друзей гораздо худшую халупу толкнули за…

– Нет, Лена, – жёстко перебила Ольга, – ваши домыслы мы обсуждать не будем.

– Это не серьёзно, – поддакнул Андрей Петрович.

Из комнаты донёсся раздражённый мужской голос:

– Ну да, вы люди серьёзные. Уболтали нас, как лохов: скорей, скорей, покупатель соскочит! Сколько мы на этом потеряли? Так нам, баранам, и надо!

Деваха в спортивном костюме сверкнула на Ольгу глазами.

– Извините, что здесь топчемся. Он там только что из душа, сохнет.

– Голый я, – хохотнул мужчина в комнате.

– Нам это знать не обязательно, – осадил его Андрей Петрович.

– Павел! – крикнула Ольга. – Ведь я выложила вам все варианты с учётом падения спроса на московскую недвижимость. Так или нет?

– Значит, вы некомпетентны. – Деваха вызывающе вздёрнула остренький подборок.

– Погодите, Лен, – небрежно отмахнулась Ольга. – Павел, я к вам обращаюсь! Разве цена вас не устраивала?! Разве кто-то мешал вам посоветоваться с друзьями или хоть с чёртом лысым?!

После короткой паузы голос Павла проворчал:

– Я ж говорю: бараны, сами виноваты… Расписку нашу верните.

– Само собой. – Ольга достала из сумочки сложенный вчетверо листок. – Держите, мы в расчёте.

Долговязая Лена взяла расписку, развернула и порвала на мелкие клочки.

– Так её! – усмехнулась Ольга, выходя за дверь. – Пока, ребята!

Выходя за ней следом, Андрей Петрович презрительно обронил:

– Жадность к добру не приводит.

– Молчали бы! – Деваха с треском захлопнула дверь.

– Жлобы, – подвела итог Ольга, спускаясь по лестнице. Она остановилась на площадке между этажами. – Давайте здесь, Андрей Петрович. Самый волнующий момент, и никакого народу.

Пока Ольга отсчитывала доллары, седой джентльмен ворчал у её уха:

– Продали бы они свою конуру, как же! Кто-то, видать, их накрутил…

– Друг мой, – Ольга разделила деньги пополам, – перестаньте ко мне прижиматься: жарко.

Андрей Петрович закашлялся,

– Знаете, Оля… не выдавайте желаемое за действительное.

– Это мой недостаток. – Ольга протянула ему зелёные купюры. – Пятьсот на брата, не густо. Ищите хороших клиентов.

Андрей Петрович кивнул и спрятал деньги в карман.

– Вы куда сейчас? На метро?

Он попробовал было за ней увязаться, однако Ольга легко от него отделалась, тормознув такси. В ближайшем об-

менном пункте на сотню долларов она обзавелась рублями, на этом же такси сгоняла на рынок, купила свиную вырезку, овощи-фрукты и лихо подкатила к дому. Когда она перетащила пакеты с провизией через порог, было полвосьмого.

Помыв руки и повязав фартук, Ольга спешно принялась за готовку. Под пение Тома Джонса она начинила свинину специями, обернула фольгой и сунула в духовку. Теперь можно было заняться салатами. Том Джонс разливался соловьем, и Ольга пританцовывала, нарезая овощи. От этих милых кухонных радостей её отвлёк телефонный звонок.

– Здравствуйте, – произнёс вежливый грубый голос. – Ольгу Михайловну можно?

– Это я, – насторожилась Ольга.

– Я Володя, – представился голос. – Валентин велел с вашим должником разобраться.

– О, Володя! – заворковала Ольга. – Не узнала вас, богатым будете!

– Когда? В этой жизни? – поинтересовался Володя и сразу перешёл к делу: – Расписка у вас имеется?

– А как же!

– Так. Попробуйте договориться на завтра.

– Уже договорилась. На двенадцать. Дома никого больше не будет.

– Ну, Ольга Михайловна… вас бы к нам бригадиром. Я позвоню завтра в десять: скажу, где встретимся. – В трубке раздались гудки.

«Хм! – подумала Ольга. – Простенько и со вкусом». Она закончила резать салаты, разложила по вазочкам и достала майонез. Тут в дверь позвонили. Это был Валентин. Он выглядел усталым и огорчённым, однако вручил Ольге букет роскошных белых роз.

– Ой! – Ольга чмокнула его в щёку. – Огромные-то какие!

– Будто кочаны капусты! – подхватил Валентин.

Ольга ткнула его кулачком в живот.

– Умолкни, собака!

– На, не разбей. – Он протянул ей пакет с надписью «Москве 850 лет». – Здесь коньяк и шампанское.

Ольга опять чмокнула его в щёку.

– Мерси. Звонил твой Володя, на завтра договорились.

– Угу, – буркнул Валентин, перелезая из туфель в тапочки. – Коньяк, между прочим, «Курвуазье».

– Отлично. – Ольга держала в одной руке розы, в другой – пакет с бутылками. – Ты уговорил его на триста баксов?

Валентин вздохнул.

– Ну, если тебе только припугнуть… – он взял у неё букет и поставил в керамический кувшин, – Вова это сделает бесплатно.

Ольга подпорхнула к нему и поцеловала в губы.

– Милый, – прощебетала она, – вот теперь я вижу, что розы превосходные, что шампанское… – она заглянула в пакет, – шампанское полусладкое, а коньяк, чёрт побери, французский. Будто пелена с глаз упала.

Они оба рассмеялись.

– Пошлячка, – сказал Валентин. – Я жрать хочу, умираю. Но сперва, конечно, в душ.

– Вперёд, милый! – Ольга положила шампанское в морозильник. – Полотенце чистое я повесила, халат твой на месте.

– Только жлобы пьют шампанское в халате, – заметил Валентин, скрываясь в ванной.

Ольга налила воды в кувшин с благоухающими розами, заправила салаты и принялась накрывать на стол. В комнате, разумеется: не пить же «Курвуазье» на кухне.

Зазвонил телефон.

– Оля, ещё раз здравствуйте. Это Сергей Попов. Вы просили позвонить после восьми…

– Да, Серёжа, я помню: вам нужно помещение под продуктовые склады. В долгосрочную аренду, вероятно?

– Минимум лет на пять. Можете поспособствовать?

– Конечно. – Ольга достала из сумочки сигареты и зажигалку. – Это лично для вас или для клиента?

– Ну, в общем… для клиента, – признался Сергей.

– Так. – Ольга закурила. – Иными словами, вы просто хотите на этом заработать.

– Под вашим чутким руководством.

– Ну что ж… – Ольга медленно выдохнула дым. – Какой район им нужен?

– Митино, желательно.

– Метраж?

– Две с половиной – три тысячи.

Из душа вышел посвежевший Валентин.

– Я там носки простирнул, на трубу повесил, – сообщил он тихо.

Кивнув, Ольга погладила его по щеке.

– Вариант, в принципе, интересный, – проговорила она в трубку, – тут можно развернуться. Но, Серёженька… давайте обсудим завтра, ладно? У меня сейчас гости, так что, сами понимаете…

– Завтра так завтра. – Сергей не скрыл разочарования. – Во сколько?

– Вечерком, – выразительно посмотрев на Валентина, Ольга чиркнула пальцем по горлу. – Не обижайтесь: сегодня у меня сумасшедший день. Всего доброго, Серёжа! – Она дала отбой.

Развалясь на диване, Валентин полюбопытствовал:

– Очередной поклонник?

Ольга притушила в пепельнице окурок.

– У девушки нет поклонников, у девушки одни клиенты. – Она сняла фартук и швырнула Валентину на колени. – Пойдём жрать, милый.

Ели они дружно и основательно, лишь изредка обмениваясь репликами. Свинина явно удалась, и холодное шампанское в такую жару было весьма кстати.

– Ну вот, – Валентин вытер губы салфеткой, – пульс, вроде, восстановился.

Ольга не спеша прихлёбывала из бокала, глаза её поблёскивали.

– Ты чего такой задрюченный? Проблемы?

– У кого их нет? Два месяца бьемся, а сделка ни с места. Бросить бы всё… куда угодно от этих шакалов!

– Алюминий? – деловито спросила Ольга.

– Медь. – Валентин залпом осушил бокал. – Сорок тысяч тонн до Роттердама. Контракт на три года, представляешь?

– Ни фига себе! – Ольга закурила. – Ну и? В чём заминка?

– Заминка?! Да у нас этих заминок… – Вдруг запнувшись, Валентин с прищуром посмотрел на Ольгу. – Тебе с подробностями или как?

Ольга ответила немигающим влажным взглядом.

– Или как. – Вытянув губы трубочкой, она выпустила струйку дыма. – Плохо твоя Райка за тобой приглядывает: скоро язву заработаешь.

– И лечиться приползу к тебе, – усмехнулся Валентин.

– А когда вылечишься, – подхватила Ольга, – побежишь стирать райкины трусы. Их к тому времени много накопится.

Валентин помахал рукой, разгоняя дым.

– Может, сменишь пластинку?

– Пардон, милый. – Она ткнула окурок в бокал с шампанским. – Хочешь коньяку, милый? Французского, «Курвуазье» называется.

– Разве что с кофе.

– Конечно, дорогой. Только прикажи.

– Слушай, ты это надолго?! – взорвался Валентин.

Ольга обошла стол и села к нему на колени.

– Это навсегда. – Она чувствительно куснула его за ухо и засмеялась, когда он вскрикнул. – Пойду, приготовлю кофе.

– Черт бы тебя драл, – проворчал Валентин, массируя ухо.

Ольга встала с его колен.

– Нет, милый, драть меня будешь ты. Чёрт тебе – не помощник. – Она упорхнула на кухню, и оттуда послышалось тарахтение кофемолки.

Коньяк был превосходным, и кофе получился что надо. Сидя друг напротив друга, Ольга и Валентин пили, улыбались и демонстративно молчали.

– Жарковато, не правда ли? – не выдержал наконец Валентин.

Ольга перевернула на блюдце чашечку с кофейной гущей.

– Погадаем, милый, или сразу разложим диван?

Валентин лениво поднялся со стула.

– Прежде всего, надо вымыть посуду.

– О, дорогой! – захлопала ресницами Ольга. – Ты собираешься трахнуть меня на столе?

Валентин рассмеялся и чмокнул её в нос.

– Пойдём, помоем, пока я добрый.

Убрав остатки еды в холодильник, они плечом к плечу встали у раковины и, целуясь, все перемыли.

– На кофейной гуще уже не погадаешь, – отрываясь от его

губ, вздохнула она.

– Зато можно разложить диван, – улыбнулся он.

Когда диван был разложен, и постель расстелена, Ольга уселась на ковёр, скрестив ноги по—турецки.

– Раздевайся, – скомандовала она.

– Ты! – указал на неё пальцем Валентин.

– Фиг.

– Почему?

– Сперва ты, потом я.

– Смысл?

– Надо проверить, готов ли ты к долгому путешествию. Буду раздеваться и наблюдать, в порядке ли твой путеводитель.

Фыркнув, он сгрёб её в охапку и опрокинул на постель.

– Знаешь, что самое трудное? – спросил он, расстёгивая на ней блузку.

Её дыхание участилось.

– Ты меня интригуешь!

– Самое трудное – раздевать капусту листок за листком.

– Листок за листком, – повторила она шёпотом.

Он стянул с неё юбку.

– А сердцевины всё не видать.

– Кочерыжки то есть? – Она избавилась от лифчика и рукой залезла к нему в брюки. – Не там ищешь: вот она.

Он поцеловал ей грудь, сдавив губами сосок.

– Нет, душа моя, это не путеводитель.

Ольга рванула на нём ремень.

– Ну, давай! Снимай штаны, мать твою!

Валентин разделся и стянул с неё трусики. Она повалила его на себя, обхватила ногами и впилась в губы. Слегка отстранившись, Валентин резко в неё вошёл. Она вскрикнула.

– Листок за листком, – прошептал он, двигаясь.

– Заткнись. – Она зажала ему рот ладонью.

Он продолжал двигаться с закрытыми глазами. Лицо его напряглось, на лбу собрались морщинки. Ольга металась под ним и вскрикивала. Приоткрыв нечаянно глаза, Валентин заметил, как она почесала нос. Затем опять вскрикнула, задрожала и прильнула к нему всем телом. Они оба судорожно вздохнули и расслабились.

Валентин поцеловал Ольгу.

– Листок за листком, – повторил он, укладываясь на спину.

– Тебя заклинило? – Ольга положила голову ему на грудь. – Скажи что—нибудь приятное.

– Ты была великолепна.

– Спасибо, милый. Ты тоже,

– И тебе спасибо, дорогая. Интересно, что у тебя сейчас в голове?

– Ничего, абсолютная пустота. – Она потёрлась щекой о его плечо. – Давай спать: трудный был день. – Чмокнув его в шею, она переместилась на свою подушку и свернулась калачиком.

Не прошло и пяти минут, как Валентин услышал её глубокое ровное дыхание.

Сам же он долго смотрел в потолок, потом вздыхал и вертелся и наконец решительно встал.

В ванной он ополоснул лицо и снял с трубы свои носки. Часы показывали без четверти полночь.

Валентин оделся и, склонившись над Ольгой, прошептал:

– Пожалуй, пойду.

– Почему? – спросила она сонным голосом.

– Не спится. Буду кряхтеть – только тебя измучаю.

– Ладно, лап… аккуратней за рулём. – Ольга перевернулась на живот. – Позвони утром.

Валентин поцеловал ее в посеребрённую луной щёку.

– Спокойной ночи, – пожелал он, бесшумно закрывая за собой дверь.

Ольга спала, сбросив одеяло и живописно разметавшись на постели. Сновидения её были причудливы весьма. Переходит, к примеру, она улицу, как положено, на зелёный свет. Греет солнышко, птички поют. Вдруг вырастает перед ней омоновец с дубинкой. «С вас, – говорит, – штраф, двести сорок три бакса». – «За что?! – возмущается Ольга. – Я ничего не нарушила!» – «Как не нарушили? – Дубинка омоновца нависает над её головой. – Разве не вы арендуете этот переход через Тверскую? У вас уже за полгода не плачено». Подобные истории развлекали Ольгу до утра. Но телефонный звонок спугнул их, словно крик петуха.

– Подруга дней моих суровых, – проревел знакомый до боли голос, – ещё ты дрыхнешь или нет?

Ольга зевнула в трубку.

– Короче, Склифосовский.

– Ясно, – голос перешёл на будничные интонации, – опять куришь в постели. Сгоришь когда—нибудь.

– Вань, побойся Бога… – Ольга вновь зевнула. – Я даже пи—пи не сделала. Тебе чего?

– О'кей, буду краток, – пообещал Ваня. – Почему ты отшила Зинаиду?

– Я не отшила, я обещала подумать.

– Не юли, скажи честно: можем мы на тебя рассчитывать?

– Вань, я сказала честно: делать внеплановый спектакль не жажду. Особенно – в постановке Гены Велихова. Ей-богу, ребята, вы охуели! Лечиться вам надо!

– Ясно. – Голос Ивана стал ледяным. – Альку ты накрутила?

– Я?! – Ольга резко села, свесив ноги на пол. – Да Алевтина мне плешь проела: как это бесперспективно, как ей неохота и как перед вами неудобно!

– Вы обе – великие умницы, – буркнул Иван и продекламировал:

У Оли и Али

Анализы брали…

Ольга дала отбой. «Баран!», – огрызнулась она и с трубкой в руке подошла к окну. Жара ощущалось уже с утра: солнце

выглядело торжествующе, в небе – ни облачка.

Телефон в Ольгиной руке зазвонил.

– Не понял, – прозвучал голос Ивана, – у меня что-то со связью или ты повесила трубку?

– Со связью порядок, – сказала Ольга. – Но если ты собираешься капать мне на мозги…

– Теперь понял, – перебил Иван. – Захочешь со мной поговорить, начни с извинений. – Послышались короткие гудки.

Ольга вздохнула и принялась убирать постель. Телефон опять зазвонил.

– Ольга Михайловна, здравствуйте, – произнёс вежливый грубый голос. – Где живёт ваш должник?

Ольга взглянула на часы. Было ровно десять, минута в минуту.

– Это Володя? – уточнила она всё же.

– Узнали, богатым не буду. Куда нам ехать?

– Район Смоленской.

– Так, значит… Мы заедем за вами в полдвенадцатого. Ждите у подъезда. – Он повесил трубку.

«Только так», – одобрила Ольга, отправляясь в душ. Она пустила воду под сильным напором и, тихо постанывая, принялась массировать себя пучком колючих холодных струек. Это заменяло ей гимнастику.

Приведя себя в порядок и позавтракав, она критически оглядела свой гардероб. Взяла открытое жёлтое платье, по-

вертела и отложила. Примерила короткую клетчатую юбку и с сожалением повесила на место. В итоге для встречи с бандитами она выбрала белую маечку, джинсы и кроссовки. Это было, так сказать, соломоново решение.

У подъезда Ольгу ждал чёрный «ниссан» с тонированными стёклами. При её появлении передняя дверца приоткрылась и показался могучий торс хмурого детины. Волосы его, как водится, были коротко стрижены, а глубоко сидящие глазки смотрели холодно и цепко.

– Садитесь, Ольга Михайловна. Времени у нас в обрез.

Ольга широко улыбнулась:

– Володя, а вы похудели.

– Похудеешь тут, – вздохнул Володя. – Ничего, если вы назад сядете?

– Да ради Бога. – Открыв дверцу, Ольга проскользнула на обитое кожей сиденье. Машина мягко тронулась. – Ну и жара! Стекло опустить можно?

– Зачем? – Сидящий за рулём парень нахально разглядывал её в зеркальце. – У нас кондишн, как в лучших домах.

– Знакомьтесь, Толян, – обернувшись, представил Володя.

Толян был худощав, не так накачан и волосы его были собраны в косичку. Если бы не дебильная ухмылка, лицо его можно было бы назвать красивым и нежный мальчишеский румянец укрепил бы это впечатление.

Ольга держалась с простотой английской королевы.

– Очень приятно. Оля, – представилась она в ответ.

Толян провёл ладонью над приборной панелью.

– Кондишн тянет как зверь, – удовлетворённо заключил он. – Чё—то я не въехал, Оль…

– Ольга Михайловна, – поправил Володя.

– Да брось ты: свои люди! – Толян через плечо подмигнул Ольге.

Ольга благоразумно промолчала.

Полуобернувшись к Толяну, Володя вонзил в него свои колючие глазки.

– Ты слышал? Или тебе уши прочистить?

Повисло тяжёлое молчание. Оба парня были в тренировочных штанах и в модных майках без рукавов. На груди Толяна покачивался крест на золотой цепи, а бычью шею Володи, как ни странно, ничто не украшало.

– Я не понял, Ольга Михайловна, – с утрированной учтивостью проговорил Толян, – мы должника вашего должны отметелить или так… просто чайку попьём?

Володя приоткрыл было рот, но вдруг обернулся и вопросительно посмотрел на Ольгу. Она деловито сообщила:

– Мой должник, между прочим, женщина.

Парни обменялись взглядами.

– Клёво. – На губах Толяна заиграла привычная ухмылочка. – А она как на внешность, ничего?

Ольга пожала плечами.

– На чей вкус?

Володя обратил на неё буравящий взгляд.

– Ольга Михайловна, Валентин говорил: мужик.

– Значит, он что-то напутал, – захлопала ресницами Ольга. – Я ему сказала: мне должны. Возможно, это прозвучало как «должник». Вероятно, он решил, что должник – обязательно мужчина.

Не сводя с неё взгляда, Володя почесал переносицу.

– Лабуда какая—то. Я думал, вас динамят внаглую…

– Что ж, по-вашему, – перешла в атаку Ольга, – женщинам долги надо прощать? Они что угодно вытворять могут?

– Угу, им только дай! – поддержал её Толян. – Руку отхватят! Какие подлянки бабы устраивают – мужику не снилось! Тут, Вова, нельзя спускать на тормозах!

Володя перевёл на него хмурый взгляд.

– В левый ряд давай: сейчас поворот будет.

Дальше ехали без разговоров. Лишь короткие реплики Ольги указывали дорогу.

В подъезд вошли гуськом: Ольга, Толян, Володя. Дом был старый, что называется, «сталинской постройки». На лестнице валялся мусор, пахло мочой.

– Чё—то я не въехал, – Толян брезгливо повёл носом, – тут лифта, вообще, что ли, нет?

Володя хмуро на него покосился.

– Взять тебя на руки?

– Третий этаж, – бросила через плечо Ольга и зашагала вверх по лестнице.

Металлическая дверь, обитая дерматином, имела смотровой глазок. Володя и Толян проворно распластались по стеночке. Ольга нажала на кнопку звонка. Громыхнули засовы, дверь открылась, и Галина зачирикала:

– Привет, Оль! Шубу мне через часик привезут. А пока мы дёрнем кофейку, потреплемся…

В квартиру они вошли тем же гуськом, и последний, Володя, тщательно закрыл за собой дверь. Огромная с высокими потолками комната походила на лавку старьёвщика: массивная мебель, хрусталь, керамика, пыльные пейзажи – всё без порядка, всё в куче.

– Здравствуйте, – вежливо сказал Володя. – Красиво живёте.

Деловито и неторопливо изучал он обстановку. Толян тем временем ел глазами хозяйку. Длинные волосы Галины были собраны в пучок, лицо без косметики выглядело бледным и потасканным. Куцый халатик, однако, едва прикрывал богатую грудь и худощавые стройные ноги.

– Извините, что без приглашения, – ухмылочка Толяна обещала многое, – мы на пару слов.

– Это вы извините: я не ожидала… Оль, что же ты не предупредила: я бы хоть приоделась, – лепетала по инерции Галина. Но Ольга без церемоний её оборвала:

– Плевать, в каком ты виде. Мне нужны мои деньги.

– Но, Оль, я же сказала: в конце месяца или, в крайнем случае…

– Разговор конкретный. – Володя навис над ней, как утёс. – Завтра, до шести вечера, вы должны вернуть Ольге Михайловне всю сумму. Никакого базара.

– Но это же нереально, где я возьму…

– Ваши проблемы. Займите, продайте что—нибудь, но, – Володя поднял указательный палец, – завтра до шести вы должны вернуть долг. Ни минутой позже.

Ольга достала сигареты и закурила. Рука её подрагивала.

– Три тысячи двести баксов, – уточнила она.

Галина обратила на неё взгляд побитой собаки.

– Но, Оль, десять процентов – это слишком. Ведь я же тебя выручала… Побойся Бога, Оль.

– Ну, вы даёте, кисуля! – гоготнул Толян, вертя в руках фарфоровую чашку. – А тридцать пять процентов не хотите? А пятьдесят?

– Не важно, – отмахнулся Володя. – Ольга Михайловна, дайте—ка расписку. – Он взял у Ольги сложенный вчетверо листок и развернул перед носом Галины. – Вы писали?

Глаза Галины забегали.

– Я, но… ведь юридической силы это не имеет…

Толян фыркнул и уронил чашку. Она разбилась с треском сухой скорлупы,

– Ой! – сказал Толян.

– Поаккуратней там, – проворчал Володя.

Лицо Галины окаменело. Она села на кушетку, положила ногу на ногу и процедила сквозь зубы:

– Козлы вонючие. Я вас в милицию сдам.

– Чего, чего? – воззрился на неё Володя. Он снял телефонную трубку и протянул ей. – На, сдавай: мы вот они!

Замерев с дымящейся сигаретой меж пальцев, Ольга исподлобья наблюдала за Галиной. Однако та сидела тихо: бравада её мигом испарилась.

– Ну? Чего ж ты? – Володя положил трубку на рычаг. – Могу навестить тебя с твоим участковым. Поговорим за жизнь, расскажешь о своих проблемах… Хочешь?

Галина затравлено посмотрела на Ольгу.

– Всё, кончаем базар! – тряхнул косичкой Толян. – Ты, Вова, подожди где—нибудь… с Ольгой Михайловной. А я ей кое—что растолкую.

В колючих Володиных глазках будто промелькнула неуверенность.

– Мне позвонить надо, – проворчал он.

– На кухне есть аппарат, – подсказала Ольга. – Пойдёмте. Володя мрачно на неё покосился.

– Ладно, на кухню так на кухню.

Кухня была большая и замызганная. В раковине громоздилась немытая посуда. Погасив окурок струйкой из-под крана, Ольга швырнула его в жирную тарелку. Володя прикрыл дверь.

– Зачем вы дали ей в долг? – спросил он хмуро. – Проценты вам были нужны?

– В смысле? – подняла брови Ольга. – Уверяю вас, она

в состоянии расплатиться.

Володя поморщился.

– Она же без понятия. С ней хлопот не оберёшься.

– Теперь уж вижу, – вздохнула Ольга и указала на заклеенный скотчем аппарат. – Вот чудо техники. Звоните.

Присев на табуретку, Володя снял трубку. Он быстро дозвонился и принялся занудливо с кем-то препираться. Разговор, в основном, состоял из жаргона и полунамёков. Тем временем Ольга примостясь на подоконнике, рассеянно следила за двумя дерущимися воробьями. Вдруг из-за двери послышался негромкий сдавленный вскрик. Володя не прореагировал: он продолжал что-то сердито вдалбливать своему невидимому собеседнику.

Ольга осторожно приоткрыла дверь, проскользнула в комнату и застыла на пороге. Завалив хозяйку дома на кушетку, Толян стягивал с неё трусики и одновременно зажимал рот. Вернее, пытался. Галина отчаянно извивалась и повизгивала.

– Пожалуйста… пожалуйста… я отдам…

– Сперва дашь, потом отдашь, – сопел Толян. – А потом стучи ментам, курва!

Ольга прислонилась к дверному косяку. Зрачки её расширились, дыхание участилось.

Сопротивление Галины слабело.

– Ну, пожалуйста, – скулила она, – я клянусь, я никуда звонить не буду.

– Ты мне по-любому дашь. – Толян рванул на ней халатик, и отлетевшая пуговка покатилась по полу. – Раз попала, кисуля, не дёргайся. Может, я сам за тебя слово скажу.

При появлении Володи Ольга вздрогнула. Слегка её отодвинув, он протопал в комнату, как медведь, и буркнул:

– Вот это вряд ли. – Он сгрёб Толяна своими ручищами и сбросил на пол. Запахнув халатик, Галина забилась в угол. Челюсть её дрожала.

Толян поднялся с пола и шагнул к Володе.

– Ты чё, основной тут?! Тебя ещё не учили?!

– Меня-то? – Володины глазки буравчиками впились в Ольгу, затем обратились на Толяна. – Учили, вроде. Пойдём, пошепчемся. – Он вытолкал его в прихожую.

Ольга вытерла потные ладони о джинсы.

– Ну как, прошмандовка? – криво усмехнулась она. – Будешь свой язык поганый распускать?

Галина смотрела на неё как кролик на удава.

Из прихожей донёсся звук оплеухи. Ойкнув, Толян что-то пробубнил с угрозой.

– Ты в претензии, что ли? – удивлённо прозвучал Володин голос, и вновь зазвенела оплеуха. – Жди в тачке. Пли-из!

Хлопнула дверь. Володя вошёл и присел на кушетку рядом с Галиной. Запахивая на груди халатик, Галина отодвинулась.

– Никто тебя не тронет, – буркнул Володя. – Не брала бы в долг, голова бы не болела.

Тут Галина разрыдалась гулко и взахлёб. Ольга вздохнула.

– Ну ладно. На чём остановились?

Хмуро на неё покосившись, Володя тронул Галину за плечо.

– Брось реветь. Отдашь не завтра, а через неделю. Сможешь?.. Не слышу ответа.

Галина торопливо кивнула.

– Я постараюсь.

– Постараюсь – не разговор. Отвечай конкретно: через неделю отдашь?

– Да. Через неделю, думаю… железно.

– Так, значит, – Володя решительно встал, – если в следующей вторник Ольга Михайловна мне позвонит и скажет, что ты её продинамила… Поверь, лучше б она не звонила! – Он затопал к выходу.

Ольга поспешила следом.

– Пока, – обронила она, – жду до вторника.

Вниз по лестнице Володя шагал через ступеньку, и его могучая спина маячила у Ольга перед глазами. Выйдя из подъезда, он прищурился от солнца и спросил:

– Как напугали? Нормально?

Ольга с улыбкой подняла большой палец.

– Клиент в полном восторге. Спасибо.

Володя хмуро на неё покосился.

– Вам куда ехать, Ольга Михайловна?

– На Кутузовку. А что?

– Жаль, нам в другую сторону. Извините.

Он влез в чёрный «ниссан» и уехал не прощаясь.

«Гуд лаг, биг бой!», – буркнула Ольга и, перекинув сумку через плечо, зашагала к метро. Джинсы слегка давили в бёдрах, зато кроссовки были гораздо удобней, чем туфли на высоком каблуке.

До встречи с арабом времени оставалось достаточно: Ольга успела посидеть на лавочке и съесть мороженое. В два ровно она позвонила в дверь.

Открыл переводчик Константин. Сегодня он был в элегантном костюме цвета «хаки» и без галстука.

– По вам часы проверять можно, – улыбнулся он.

Улыбка получилась кислой, но Ольга не придала этому значения.

– Стараемся, Костя, стараемся! – Она впорхнула в прихожую. – Как там наш договорчик?

Переводчик вздохнул.

– Ваш договор, Ольга Михайловна, сгорел синим пламенем. Весьма сожалею.

– Как это? – Ольгина улыбка погасла. – Тофик раздумал покупать?

– Нет, вам элементарно перебежали дорогу. Сегодня с утра.

Ольга прислонилась к стенке.

– Другой особняк предложили?

– Особняк тот же, – усмехнулся Константин. – Условия

другие.

– Какие, если не секрет?

– Полтора миллиона через банк, кэш – сто пятьдесят тысяч и ремонт пополам с префектурой. Разница существенная, не так ли?

Ольга сердито тряхнула головой.

– Этого просто не может быть.

Константин развёл руками.

– Однако.

Подумав, Ольга спросила:

– Могу я поговорить с Тофиком?

– Он уехал.

– Как уехал… без вас?

– У них в посольстве мероприятие, переводчик не требуется. А я тут на звонки отвечаю.

Они помолчали. И Ольга тронула Константина за локоть.

– Скажите, а… кто предложил такие сказочные условия?

– Ольга Михайловна, я вовсе не уполномочен…

– Ну, Костик, подумайте сами, – Ольга умоляюще заглянула ему в глаза, – разве засяду я на чердаке со снайперской винтовкой? Но могу я при таком обломе хотя бы выяснить…

– Некто господин Шевчук, – со вздохом сообщил Константин. – Вам это говорит о чём—нибудь?

Ольга пожала плечами.

– Как он хоть выглядит?

– Маленький, седовласый, юркий. Всё время кашляет.

– Андрей Петрович! – ахнула Ольга.

– Да, – кивнул Константин. – Вы знакомы?

– А то! – Ольга открыла входную дверь. – Но чума на мою голову, если я что—нибудь понимаю! – Она вышла и вызвала лифт.

– Удачи вам, Оленька, – проговорил переводчик, и дверь захлопнулась.

Накупив телефонных жетонов, Ольга кинулась звонить. Было занято, потом автомат съел два жетона. Ольга перебежала к другому таксофону, руки её ходуном ходили. Снова занято, снова проглочен жетон. И опять занято, занято, занято.

Тормознув зазевавшегося «москвича», Ольга за тридцатник домчалась до дому. Когда она влетела к себе в квартиру, её белая маечка прилипла к спине, что выходило, так сказать, из ряда вон. Лежащий на диване радиотелефон верещал истошно и настойчиво.

– Алло, чтоб вам провалиться! – запыхаясь, выпалила Ольга.

– С удовольствием! Скажи только куда! – гаркнул голос Валентина. – Что ты там за спектакль устроила?!

– Лап, извини, я только что ввалилась и… Ты о чём?

– Брось придуряться! Обидели её, должник-сволочь!

– Валь, погоди! Я же не говорила…

– Помощь тебе нужна, да? Чтобы изгаляться над какой—то… жалкой курицей?!

– А ты на меня не ори! – повысила голос Ольга. – Прислал, понимаешь, эту мразь Толяна… Да по нему психушка плачет!

– Чёрт бы тебя драл! – ещё пуще завёлся Валентин. – Если б Володька знал, что у тебя разборки с тёлкой, он Толяна и на порог бы туда не пустил! Понятно тебе?!

– А ты мне дела не шей! – заорала Ольга. – Я не утверждала, что мой должник —мужчина! Словечком даже не обмолвилась!

Было слышно, как Валентин сделал глубокий вдох и медленный выдох.

– Ты не утверждала, – согласился он почти спокойно, – это я утверждал. А ты меня не поправила, душа моя. Словечком даже не возразила. – Он повесил трубку.

Опустившись на диван, Ольга всхлипнула: «Только этого мне не хватало». Она стала набирать номер Валентина, однако на последней цифре передумала и набрала другой номер.

– Слушаю, – отозвался солидный женский голос.

– Капа, наконец—то! – обрадовалась Ольга. – Два часа к тебе прорываюсь!

– Алён, ты? У меня тут столпотворение. Может, перезвонишь через…

– Нет, Капитолина Евграфовна! – отрезала Ольга. – Я сама столпотворение!

Голос в трубке хмыкнул.

– Это верно. Что там у тебя?

– У нас, Капа! У нас увели араба!

После тяжелого молчания голос будто выплюнул:

– Кто?

– Самой интересно. Думала, ты знаешь. Опять возникла пауза.

– Информация есть? – хищно полюбопытствовал голос.

– Есть. Ему впаривают наш объект, но условия другие. Сказать, какие?

– Не сейчас. Давай встретимся в шесть. Нет, в полседьмого.

– Где?

– Где обычно. Форма одежды парадная: поведу тебя в кабак.

– С какой это радости? – спросила Ольга, но в ответ раздались короткие гудки.

Ольга слегка расслабилась, сняла пропотевшую майку и, развалясь на диване, закурила. Зазвонил телефон. «Я на тебя не сержусь, лап, – приготовила она. – Тебе надо хорошенько отдохнуть, подлечить нервишки…» Но это оказалась всего лишь Алевтина.

– А пьеска—то ничего, – с удивлением проговорила она. – Может, сыграем?

– Вперёд. – Ольга выпустила дым через ноздри. – Флаг тебе на башню.

Алевтина откусила что-то хрустящее и пожевала.

– А ты как бы непреклонна? – съязвила она. – Как бы недо-

ступна уговорам?

Держа трубку возле уха, Ольга встала и поправила букет, подаренный вчера Валентином. Розы уже начали осыпаться.

– Идите в жопу со своим спектаклем, – сказал Ольга.

Алевтина опять хрустнула и пожевала.

– В жопу не хочу. Ванька стишок про это сочинит: «Оля и Аля в жопу попали…»

– Без меня, дорогая, – возразила Ольга, – только без меня. И прекрати чавкать в ухо.

– Ах, простите, графиня, моё плебейское воспитание…

– Я знаю, баронесса, что вы из кухарок.

– Да, Ваша светлость. Но прежде вы были ко мне так добры.

– Прежде, мон ами, вы не опускались до сомнительных постановок.

Алевтина вздохнула.

– Думаешь, надо отказаться?

– Ах, баронесса! Вы уже взрослая леди!

– Оль, я серьёзно!

– Аль, мы ведь это уже обсуждали. Я потная, мне в душ надо.

– Ладно. Пожалуй, откажусь. Сука ты, я тебя целую. – Алевтина положила трубку.

«От суки слышу», – огрызнулась мысленно Ольга и отправилась мыться. Потом она перекусила остатками вчерашних салатов. Затем почитала, подремала и посмотрела телевизор.

В шесть вечера она вышла из дома в своём шикарном зелёном платье, в зелёных туфельках и с бирюзовым ожерельем на шее. Гуляющим у подъезда соседям, вероятно, казалось странным, что она не умчалась в карете, а пешком зашагала к метро.

В условленном месте, у табачного киоска, её ждала пышнотелая дама в строгом сером костюме. Гладко зачёсанные волосы подчёркивали греческий овал её располневшего, но всё ещё привлекательного лица. Окинув Ольгу взглядом, дама со вздохом развела руками.

– Нет слов! А я даже переодеться не успела.

– Ты в любом наряде – большой начальник, – утешила Ольга.

Дама игриво толкнула её ладошкой.

– Язва! Пойдём, я вон там припарковалась.

«Жигуль» бордового цвета явно дышал на ладан. Ольга брезгливо отворила дверцу и, подобрав платье, опасливо влезла внутрь.

– Купила бы что поприличней, – проворчала она.

Сев за руль, дама приоткрыла окно.

– Зачем? Для представительства у меня служебная есть. А в личное пользование… – она лукаво подмигнула, – пускай все видят, на каком драндулете ездит Зудина. Ты сама— то почему колёса не купишь?

Машина выехала на шоссе.

– Не трави душу, – вздохнула Ольга. – Думала, с этой сдел-

ки наскребу… Видать, не судьба.

Дама вновь подмигнула.

– Хорош прибедняться!

– То есть? – Ольга села к ней вполоборота и, что называется, распахнула глаза. – Кап, ты на что намекаешь?

Капа мастерски вела свой «жигуль» в сплошном автомобильном потоке.

– Я не намекаю, – ответила она примирительно, – даже привычки такой не имею.

– Неужели? – не отставала Ольга. – А по—моему, ты уверена, что у меня денег куры не клюют.

– Алён, остынь. Кусок мимо рта ты, конечно же, не пронесёшь, а особнячок этот… не последний особнячок в нашей жизни.

– Ах, Капитолина Евграфовна, – усмехнулась Ольга. – Вам бы только смущать простодушных девушек! Только бы пользоваться их доверчивостью!

Капа с улыбкой на неё покосилась.

– А это что за намёк?

– Я не намекаю, мадам Зудина, я говорю прямо: вы деспот из Центральной префектуры. Я преследую, можно сказать, как борзая, богатых зарубежных недоносков. Я рискую чистотой своей и непорочностью, трепеща от их похотливых взглядов…

Капа рассмеялась.

– За что тебя люблю, Алён…

– Ну да, я скрашиваю твою унылую жизнь. Однако ты почему—то не интересуешься, какие условия предложили арабскому другу наши конкуренты.

– А вот мы сейчас приедем в уютный подвальчик, закажем вкусный ужин и поглядим, какие мысли бродят в наших бестолковках.

Подвальчик под вывеской «Ресторан Орфей» и вправду оказался уютным: дизайн, освещение и мягкий джаз моментально создавали настроение. Не успели дамы войти, как перед ними возник пожилой лилипут в смокинге.

– Капитолина Евграфовна! Боже мой! – Он раскинул ручонки для объятий.

– Привет, Макс! – Капа присела, и они расцеловались. – Ну как бизнес? Процветает?

– Какой бизнес в этой стране! – отмахнулся лилипут. – Вот посетили меня две красавицы – это сюрприз! Вам столик на двоих или кто-то ещё подойдет?

– На двоих, Макс. В уголке, и чтоб никто не беспокоил.

– Разумеется, – кивнул лилипут. Он проводил дам до столика, отодвинул перед каждой стул, зажёг свечи и с достоинством удалился.

– Обалдеть! – Ольга с любопытством огляделась. – А народ тебя уважает.

Капитолина сосредоточенно пудрила нос.

– Народ от меня зависит. Это надёжней.

– Тебе виднее. Так по какому случаю гуляем?

– Считай, зарплату получила.

– То есть взятку дали? Сознайся.

Капитолина нахмурилась, убрала пудреницу… и вдруг хихикнула.

– За что тебя люблю, Алён…

К ним подплыла длинноногая официантка в юбчонке, усыпанной блёстками, и положила на стол два красочных меню.

– Добрый вечер! – едва ли не пропела она. – Закажите сразу или хотите подумать?

Капа вопросительно посмотрела на Ольгу. Та пожала плечами.

– На твой вкус.

И Капитолина заказала, не глядя в меню

– Два фирменных и каких—нибудь закусок, салатиков на ваше усмотрение. И бутылку «Алазанской долины».

Официантка кивнула и собралась уходить. Но Ольга её остановила.

– Французский коньяк у вас есть? – поинтересовалась она небрежно. – «Курвуазье» желательно,

– Пожалуйста, – кивнула официантка. – Вам сколько? Грамм двести?

– Бутылку, – сказала Ольга.

Официантка вновь невозмутимо кивнула и ушла выполнять заказ.

– Выпьешь столько? – усмехнулась Капитолина.

Ольга достала сигареты.

– Неважно. Главное, тебя выставить.

– Вот зараза!

– Только не говори, что за это меня любишь, – чиркнув зажигалкой, Ольга закурила. – Итак, о деле. Ему предложили наш особняк на следующих условиях… Кап, тебе интересно?

Капитолина взяла сигарету из Ольгиной пачки.

– Ещё бы! Выкладывай.

– Полтора лимона вашей конторе, причём ремонт пополам, и полтораста наликом. Возможно такое?

Капитолина закурила, задумчиво уставившись в потолок.

– В принципе… всё возможно. Кто, конкретно, на них вышел? Не разведала?

– Шевчук. Знаешь такого?

Капитолина сморщила лоб.

– Нет, вроде.

– А я знаю. По квартирным делам… – Ольга поискала взглядом пепельницу. – Вот уж не думала, что этот старый спермотозоид вхож в префектуру.

Капитолина вздохнула.

– Кто к нам только не вхож! Проходной двор прямо!

Официантка принесла две пепельницы. Затем, открыв вино и коньяк, принялась расставлять закуски.

– Выясни, кто против нас играет, – раздражённо проговорила Ольга.

Капа выразительно скосила глаза на официантку.

– Как тут всё аппетитно! – почмокала она губами.

– Приходите почаще, – улыбнулась официантка и уплыла.

Капитолина ткнула ей вслед сигаретой.

– Ты тут поаккуратней.

Приподняв скатерть, Ольга заглянула под стол.

– Микрофонов не видать.

– Не ёрничай. Бережёного, как говорится, Бог… Ну, допустим, я выясню. Дальше-то что?

Ольга посмотрела на неё в упор.

– Хороший вопрос. Знаете, мамаша… давайте выпивать и закусывать. – Она плеснула себе полфужера коньяку и кивнула на бутылку «Алазанской долины». – Ты сама или поухаживать?

Капа с обиженной миной налила себе вина.

– Думаешь, я всемогуща? Допустим, я даже догадываюсь, откуда ветер дует…

– Не будем о грустном. – Ольга подняла фужер. – Со свиданьицем! Пей до дна!

– Вот зараза! – Капитолина выпила. – Чего ты от меня хочешь?

– Любви и нежности, – ответила Ольга и выпила коньяк залпом. – Капа, я не хочу упускать такие деньги, понимаешь! Семьдесят пять штук у меня не валяется!

– Тише ты, – зашипела Капитолина. – А у меня, по-твоему, валяется? Попробую прощупать…

– То-то! – Ольга налила ей и себе коньяку. – Пей, моя радость: уплачено.

– Э-э, полегче… я за рулём.

– Не ной, закусывай. Вон тут сколько всего.

Они выпили. Капитолина вздохнула.

– Замуж, что ли, тебя выдать?

Ольга приложила руку к сердцу.

– Мерси, уже была.

– И чем, интересно, тебя астроном твой не устраивал?

– Тем, что нет такой профессии. Наливай.

– Алён, не гони лошадей. Меня уж повело.

– Клин клином. Ваше здоровье, Капитолина Евграфовна.

Они выпили. Глаза у обеих блестели, щёки пылали.

– А мои это… все на даче, – печально вздохнула Капа, заедая коньяк маринованным огурчиком. – Одна я в городе парюсь. Кошмар!

– Не то слово. – Ольга плеснула ей коньяку. – Съезди в Турцию на недельку.

Капитолина плутовато усмехнулась и подлила коньяк в Ольгин фужер.

– Сама съезди. Кончай меня спаивать.

– Спаивать? – Ольга сделала круглые глаза. – Боже! За кого ты меня принимаешь?

Они рассмеялись. Официантка принесла фирменные лангеты – хорошо прожаренные куски мяса среди каких—то замысловатых гарниров. Пожелав приятного аппетита, офици-

антка исчезла, и дамы с новыми силами принялись за еду. При этом бутылки со спиртным изрядно обмелели.

– Я здесь балдею, – объявила Капитолина, рыгнув. – Давай приходить сюда чаще.

– Вспрен… всенепременно, – всё же выговорила Ольга. – Тост за Центральную префектуру!

– Ну её на хер, – отмахнулась Капитолина. – Думаешь, твой мудак… этот… – наморщив лоб, она щёлкнула пальцами, – как его?

– Астроном? – попробовала угадать Ольга.

– Да нет, этот… ну, который увёл араба…

– Шевчук?

– Угу, – обрадовалась Капа, – Андрей Петрович. Думаешь, он это… возник случайно?

Ольга сдула прядь со лба.

– Эй, Кап, – она воззрилась на партнёршу покрасневшими пьяными глазами, – ведь я не говорила, что его зовут Андрей Петрович.

Капитолина часто заморгала.

– Говорила, Алён… Ей-богу…

– Нет, Капочка. Я только фамилию сказала: Шевчук.

Они молча смотрели в глаза друг другу.

В это время к ним, покачиваясь, подошёл небритый тип и с галантным поклоном пригласил на танец. Не ясно лишь, кого из них.

– Мерси, я не танцую, – ответила Ольга.

– Пошёл вон, – сказала Капа.

При этом они продолжали смотреть друг на друга.

– Что за дела? – удивился тип. – Почему такое отношение?

– Поправь морду, – предложила Ольга.

– Вон пошёл, – повторила Капа.

На сей раз непрошеный кавалер возразить не успел: двое громил взяли его под локти и вынесли, как предмет мебели. Проходя мимо, лилипут в смокинге виновато произнёс:

– Извините, Капитолина Евграфовна. Мой прокол.

Капитолина опустила набрякшие глаза.

– Ален, брось. Думаешь, я тебя кинула?

Ольга криво усмехнулась.

– Если ты знаешь Андрея Петровича, это и коню ясно.

– Зачем мне тебя кидать, Алён? Какой смысл?

– Ой, Кап! Ты за дуру-то меня не держи, ладно?!.. Причин наберется сотня. Было бы желание.

Капа разлила по фужерам остаток коньяка,

– Это абсурд, – сказала она и залпом выпила. – Ты, конечно, огорчена и херню мелешь.

– За что тебя люблю… – Ольга выпила тоже, – за умение отрицать очевидное. Коммунистическая школа.

– Прикрой рот! – Капитолина хлопнула по столу. Вилки на тарелках звякнули. – Побыла бы в моей шкуре, иначе бы запела!… У кого, по-твоему, этот Шевчук на поводке?! Знаешь, кто взял меня за глотку?!

Ольга резко поднялась, пошатнулась и опёрлась ладонями

о стол.

– Мне на это, – отчеканила она, – глубоко насрать. Спасибо за ужин.

– Мерзавка! – жалобно пискнула Капитолина.

Она тоже встала, тоже закачалась и обхватила руками вовремя подскочившего мордоворота. – Сядь, я отвезу тебя домой!

– Чего сделаешь? Отвезёшь? – Ольга икнула. – Ты же лыка не вяжешь, идиотка. – Она попыталась оторваться от стола, но потерпела неудачу. – Чёрт с тобой, – икнула она, – вези!

Капа намертво вцепилась в воротник державшего её мордоворота.

– Макс! – истошно заорала она.

Лилипут возник, будто из воздуха.

– Желаете счёт, Капитолина Евграфовна?

– Подотрись своим счётом! – Капа извлекла из сумки пачку сторублёвок и вручила ему. – Сдачи не надо!

Макс и мордоворот обменялись взглядами. Лилипут вздохнул, отсчитал из пачки нужное количество купюр, остальное – вложил в сумку вместе со счётом. Капитолина следила за ним без всякого интереса.

Ольга стояла и качалась.

– Ну! Едем, что ли?

– Естественно. – Капа нащупала в сумочке ключи от «жигулей».

Макс и мордоворот вновь переглянулись.

– Дайте ключи, – протянул ручонку лилипут.– Антон развезёт вас по домам.

– Удачная мысль, – икнула Ольга. – С Богом.

У Капы, к счастью, хватило соображения не спорить. Она молча отдала ключи.

В автомобиле дамы вяло переругивались, но вскоре их обеих укачало. Ольга даже не смогла самостоятельно выйти. Мордоворот буквально доволок её до квартиры и помог отпереть дверь.

– Всё, дальше сама, – уверенно заявила Ольга.

Входя в лифт, провожатый посоветовал:

– Два пальца в рот над унитазом.

– Сейчас! – огрызнулась Ольга, захлопывая за собой дверь.

Она кое-как попала ногами в тапочки и, держась за стенку, пробралась в комнату,

Меж раздвинутых занавесок красовалась луна. Не зажигая света. Ольга распахнула окно. Подаренные Валентином розы совсем осыпались. Ольга набрала горсть лепестков, понюхала и выбросила в окошко. Лепестки разлетелись, как бабочки.

Зазвонил телефон. Ольга обрадовано взяла трубку.

– Хэлло-у! – пропела она.

– Здравствуйте. Это Сергей Попов. Извините, что так поздно…

– О-о! Кого я вижу!.. То есть слышу… Мне приятно, Се-

рёжа, что такой человек, как вы, – язык её заплетался, – без всяких там задних мыслей и без всяких… просто взял и обо мне вспомнил.

– Я всё время о вас помню, Оленька, Вчера мы говорили о помещении под продуктовые склады, и вы сказали, что…

– Я сказала, Серёжа, и повторяю: всё будет о'кей. А вот розы осыпались. Что делать, Серёжа?… А ничего, мой милый, тут не поделаешь. Вон, поглядите, – Ольга показала пальцем на кувшин с букетом, – колючки торчат, как… как прямо я не знаю…

– Оленька, – озадаченно перебил Сергей, – продуктовый склад нужен срочно, я должен дать ответ и… С вами всё в порядке?

– С кем? Со мной?… О да! – Ольга всхлипнула. – Мне в душу наплевали и каблуком растёрли, Серёженька! Потому что в наше подлое время нельзя вообще никому… Серёж, подождите минутку: мне надо выйти… – Ольга метнулась к унитазу и без помощи двух пальцев отрыгнула весь свой роскошный ужин. В голове у неё слегка прояснилось. Она умыла лицо и вернулась к телефону. – Вы ещё здесь, Серёжа?

– Да, Оль. Вы в порядке?

– Более-менее. Давайте поговорим завтра.

– Но клиент ждёт моего ответа, я должен…

– Никуда не денется: завтра всё решим. Сейчас от меня всё равно никакого толка, извините. – Она дала отбой.

Свет луны, будто глазурь, поливал керамический кувшин.

Торчащие из кувшина стебли ощетинились шипами. Ольга не стала их выбрасывать, отложила до утра. Луна, как театральный прожектор, выхватывала из полумрака диван. Ольга прилегла на него, свернувшись калачиком, и луна серебрила её пушистые тапочки. Луна никого не судила, ничего не приукрашивала. Она просто светила на всё, что подвернётся.

3. Баня по четвергам

То ли Москва подвинулась к экватору, то ли тропики переместились в Москву, но жара и влажность были удручающие. Уже с девяти утра адское пекло набирало силу. Хорошо, если в комнате кондиционер. Сотрудникам фирмы «Алмаз» можно было позавидовать: директор обеспечил им комфорт и прохладу.

– Только псих сейчас попрётся в баню, – заявил высокий загорелый мужчина, расхаживая по кабинету. Это и был директор. Светлые брюки и рубашка сидели на нём безукоризненно.

Короткостриженный накачанный детина, развалившийся за директорским столом, прищурил колючие глазки.

– Мы с тобой попрёмся обязательно, – пообещал он.

Директор взглянул на него с любопытством.

– Почему?

– Потому что сегодня четверг. – Детина повёл могучими плечами. Он был в джинсах, в кроссовках и в майке без рукавов. Однако на его бычьей шее не висело никакого золота.

– Довод, – усмехнулся директор, возобновляя хождение из угла в угол. Кабинет был небольшим и уютным: письменный стол с компьютером, два кресла, диванчик и сейф. На стене – репродукция Шагала.

– Нельзя пропускать, – убеждённо сказал детина. – Жара

там, не жара… Это как тренировка: пропускать начнёшь – потом загнёшься.

Директор вздохнул.

– Володь, ценю твою заботу, но… – он нервно взглянул на часы, – скорей всего, я загнусь не от этого. Сделка века, чтоб ей провалиться…

В дверь постучали, и в кабинет стремительно вошёл господин с аккуратной плешью и холёными бакенбардами.

– Валентин Валентинович, платёжки подмахните побыстрому. – Он припечатал к столу заполненные бланки. – А ты чего тут расселся? – Обратился он к детине. – Места больше не нашёл?

– Угу, – буркнул детина. – Не знаю, куда от тебя спрятаться.

– От меня, Вовчик, не спрячешься, – хохотнул господин с бакенбардами (разумеется, это был бухгалтер). – Пока, Вовик, бутылку не отдашь…

Детина чуть привстал.

– Петя, завязывай! Сколько я предлагал: пойдём, куплю…

– Предлагал! – передразнил бухгалтер. – И сразу ноги делал! Представляете, Валентин Валентинович, проспорил мне бутылку виски и говорит в глаза: не знаю, куда от тебя спрятаться.

Детина встал в полный рост, выпятил литую грудь и вдруг улыбнулся. Как ни странно, улыбка ему шла.

– Всё, Петя! – рявкнул он. – Пошли сейчас, выберешь лю-

бую!

– Сейчас – перебьёшься: время рабочее!

Директор между тем, стоя, подписал бланки и протянул бухгалтеру.

– Пётр Семёнович, у вас всё?

– Пока всё, – бухгалтер обернулся у двери. – Так пойдёте в баню или нет?

Директор кивнул на Володю.

– Да вот, мой мучитель… говорит, нельзя пропускать.

– Ну, крутые! – фыркнул бухгалтер. Выйдя в «предбанник» он прикрыл за собой дверь. – Жень, представляешь, – обратился он к секретарше, – они в баню собрались… Кроме шуток.

Секретарша, молоденькая стройная девушка в коротком платье, пожала хрупкими плечами.

– Ну и что? – Она смотрела на дисплей компьютера. – Они регулярно ходят. По четвергам.

Бухгалтер подошёл к ней и заглянул через плечо. На экране сверху вниз падали разноцветные квадратики. Секретарша направляла их полёт, и если ей удавалось соединить три квадратика одного цвета, они уничтожались, освобождая место.

– Сегодня обещали тридцать два градуса, – наблюдая за игрой, сообщил бухгалтер. – Хорошенькая парилка.

– Пётр Семёнович, меня вам не удивить, – девушка не отрывала взгляда от дисплея. – Мой папуля – такой же фанат:

баня для него святое. В ухо не дышите.

Пётр Семёнович почесал бакенбард.

– Ладно, работай, – сказал он, исчезая за дверью с табличкой «Бухгалтерия». Секретарша с увлечением продолжала играть и не заметила появление бледного молодого человека в очках. Молодой человек сказал «привет!» и беспрепятственно подобрался к директорской двери.

– Мужчина, вы куда?! – опомнилась секретарша. Проворонив удачную комбинацию квадратиков, она воскликнула «чёрт!» и остановила игру.

– Как вы догадались? – спросил молодой человек, берясь за дверную ручку.

Девушка выбралась из-за стола, подошла к директорской двери и подпёрла ее спиной.

– Догадалась о чём?

– Что я мужчина.

– Чисто интуитивно.

Очкарик хмыкнул и тряхнул кудрявой головой.

– Вы угадали, женщина. Можно войду?

Секретарша смерила его взглядом.

– Ну-ка, отодвиньтесь.

Молодой человек послушно убрал руку. Рука его от запястья до рукава тенниски была покрыта веснушками, а глаза смеялись сквозь очки.

– Послушайте, женщина…

– Не надо хамить.

– Хамить?.. Извините, я ведь тоже чисто интуитивно. Если ошибся… Не сердитесь, мужчина.

Секретарша невольно улыбнулась.

– Вы по какому вопросу? Вам назначено?

– Да, назначено,

– А почему вы у меня не записаны?

– Не знал, что вы умеет писать.

– Ха-ха-ха! Тонкий у вас юмор.

Молодой человек прокашлялся и поправил очки.

– Мы с Валентином Валентиновичем по телефону договорились, что я заскочу до двенадцати. Вот и всё.

– Так бы и сказали.

– Вы первая начали, мужчиной меня обозвали.

Девушка улыбнулась.

– Ладно, юморист. – Она взялась за ручку двери. – Как вас зовут?

– Шурик. А вас?

– Женя. То есть… это не важно. Как вас представить?

– Саша Кузнецов. Вы замужем?

– Так вам всё и расскажи. – Секретарша заглянула в кабинет. – Валентин Валентинович, к вам Александр Кузнецов. Говорит, вы назначили…

– Потом, Женька! Попозже! – махнул рукой директор. Он сидел на столе рядом с могучим Володей и прижимал к уху телефонную трубку. – У меня Дрезден на проводе! Извинись там… угости его кофе!

– С коньяком или без? – уточнила секретарша.

Володя показал ей увесистый кулак.

– Жека, исчезни!

– Кому грозишь, дохляк! – огрызнулась девушка, закрывая за собой дверь.

Володя с улыбкой покачал головой.

– Распустил ты персонал, шеф, – сказал он и кивнул на телефон. – Они там что, повымерли?

Пожав плечами, директор почесал трубкой ухо.

– Слезь со стола, буйвол. Раздавишь к лешему.

– Этот стол слона выдержит. – Володя поелозил задом и встал на ноги. – Теперь, конечно, мебель делают не так, как раньше…

– Эберхард?! – заорал директор в трубку. – Привет, Эберхард!.. У нас всё о'кей! Жара только жуткая! У тебя—то как?!.. Разумеется, на моё имя: мы ж договорились! А что, возникли проблемы?!… А—а, тогда ладно!.. Да, Эберхард, я понял, понял!.. О'кей!.. О'кей, во сколько?!.. – Директор взглянул на свои часы. – Конечно, я на телефоне!.. Полностью с тобой согласен! Жду! – Он положил трубку и улыбнулся.

На его загорелом лице, будто мелкие трещины, обозначились морщинки.

– Ну? – поинтересовался Володя.

– Баранки гну! – перекинув ноги через стол, директор уселся в своё кресло. – Порядок. Он перезвонит через час.

Мышцы Володи напряглись.

– Зачем?

Директор посмотрел на него, склонив голову набок.

– Чтоб сообщить номер аккредитива. И сразу же отправит нам факс…

– Он должен был это сейчас сделать. Зачем перезванивать?

Директор пожал плечами.

– Немецкая педантичность.

Володя тяжело опёрся руками о стол.

– Не понял. Объясни.

– Когда первая партия меди пересечёт границу, аккредитив раскроется, и деньги поступят на два счёта, – терпеливо, как учитель недоумку, стал втолковывать директор Володе, – на счёт завода и на счёт посредников. Но поскольку от имени всех посредников выступаю я, Эберхард решил в последний раз убедиться, что по данному пункту у нас не возникнет никаких конфликтов. Ясно тебе?

Володя криво усмехнулся.

– Сколько мы об этом с ним базарили! Вроде, всё утрясли… Теперь, значит, снова здорово?

– Он просто хотел удостовериться. Имеет право?

– Туфта.

Директор сморщился, как от кислятины.

– Ну да, Вова, ты крупный специалист по международным сделкам!

Володя махнул рукой и направился к двери.

– Валя, ты лох, – буркнул он, выходя.

В «предбаннике» секретарша и кучерявый очкарик пили кофе с печеньем. Володя бросил на них хмурый взгляд.

– … Все называли друг друга товарищ. А теперь как? – разглагольствовала секретарша, прихлёбывая кофе. – Господин – господа? Как-то непривычно.

– Да уж. – Очкарик откусил печенье, и оно жалобно хрустнуло. – Вы совершенно правы, женщина.

Володя подошёл к двери с табличкой «Бухгалтерия».

– Эй, мистер! – обратилась к нему секретарша. – Шеф освободился? Можно этому сеньору заходить?

– Не знаю, – сказал Володя. – Сама спроси.

Очкарик вновь хрустнул печеньем.

– Какой вы могучий, – заметил он уважительно. – Тренируетесь наверное?

– Ага, утюгами. – Володя вошёл в бухгалтерию. – Хочешь, подарю один? – прикрывая за собой дверь, он услышал дружное хихиканье.

Бухгалтер Пётр Семёнович, сидя среди бумаг, что-то подсчитывал на микрокалькуляторе. Солнце обтекало аккуратную плешь бухгалтера и золотило его бачки.

– С молодняком заигрываешь? – полюбопытствовал он.

– Угу, – буркнул Володя, беря телефонную трубку.

Комната напоминала кабинет директора: те же размеры, та же мебель. Только стола в ней было два, а вместо Шагала

на стене висела сногсшибательная мулатка в жёлтом бикини.

– Какие новости? – Бухгалтер скомкал исчёрканный лист и метко швырнул в корзину.

Услыхав короткие гудки, Володя бросил трубку.

– Опять твоя вонючая пепельница на моём столе! – рявкнул он и переложил набитую окурками морскую раковину на бумаги бухгалтера.

– Не выступай, – ответил бухгалтер. – Замордовал прямо.

– Замордуешь тебя… – Володя вновь накручивал телефонный диск. – Шёл бы лучше домой… Здравствуйте, – проговорил он в трубку. – Лёшу мне, пожалуйста… Володя его спрашивает… Ничего, я подожду.

Бухгалтер оторвал взгляд от бумаг.

– Домой бы я с удовольствием, но кому—то и работать надо. Не всем же по баням шастать.

Прижимая к уху трубку, Володя посмотрел на него исподлобья.

– Уйди с глаз долой. Отпросись у Валентина, он отпустит.

Бухгалтер вперил в него взгляд.

– А что? Какие-то проблемы?

Но Володя уже говорил в трубку:

– Лёха, это я. Где ты ошиваешься?.. Да ну? А не свистишь?.. Ну, молодец… Молодец, говорю! Слушай, Лёх, давай по первому варианту… Более конкретно после двенадцати. Для подстраховки с запасом… – косясь на бухгалтера, Володя повернулся к нему спиной. – Давай так: всё наладь

и дуй ко мне… Куда—куда, на работу, куда ещё! Обговорим конкретно… А это зачем? Лёх, я ведь не отморозок…

Бухгалтер встал и пошёл к двери. «Ну, если ты советуешь…» – пробормотал он себе под нос, выходя в «предбанник».

– … неисчерпаемое богатство ритмов. Французской поэзии это, вообще, свойственно, – разглагольствовал молодой очкарик, вертя на ладони кофейную чашечку.

– Ты имеешь в виду Ронсара? – глубокомысленно ввернула секретарша.

– Можно и поближе. Возьмём, к примеру, Беранже. Или хоть того же Верлена…

– Пётр Семёнович, – нехотя отвлеклась девушка, – узнайте там: заходить можно?

– Обязательно, – пообещал бухгалтер и, постучавшись, вошёл в директорский кабинет.

Валентин Валентинович, сидя на столе, разговаривал по телефону.

– … А я с тобой ещё не помирился, душа моя. Ты со своим должником обвела меня вокруг пальца… Брось, капуста: это всё уловки… – Директор указал бухгалтеру на кресло, но тот покачал головой и остался у двери. – Ну да, рассказывай: кто тебе поверит?.. Как это, не сержусь? Очень даже сержусь. Просто денёк такой… А вот кормёжки не надо… Нет, я сказал!.. Капуста, я запрещаю!.. Ну погоди, морда! – Директор, улыбаясь, положил трубку.– Пётр Семёнович, что

у вас?

Бухгалтер сделал шаг вперёд.

– Валентин Валентинович, я бы это… ушёл бы сразу после обеда? Мне к зубному и на кладбище, насчёт памятника тестю…

– Пётр Семёнович, – удивлённо перебил директор, – зачем вы мне это рассказываете? Идите, ради Бога.

– Спасибо. И ещё: завтра мне с утра в банк. Появлюсь где-нибудь… около одиннадцати.

– Нет вопросов, Пётр Семёнович.

Но бухгалтер не уходил.

– Валентин Валентинович, – спросил он, помявшись, – у нас какие-то проблемы?

Директор поднял брови.

– Занятный вопрос. У Вас появились основания для тревоги?

– Нет, по моей линии как бы… – бухгалтер почесал бакенбард, – никаких оснований. Я так, в общем. В смысле обстановки на рынке… Ладно, пойду, – он приоткрыл дверь.

– Кликните там молодого человека, – попросил директор.

– Обязательно, – бухгалтер вышел.

И молодой человек сейчас же вошёл.

– К вам фиг прорвёшься, – заявил он с порога. – Впрочем, здравствуйте.

Директор слез со стола и шагнул навстречу.

– Вы Саша Кузнецов, вероятно?

– А вы, судя по всему, Валентин Валентинович?

Они пожали друг другу руки.

Директор указал на кресло.

– Присаживайтесь.

– Извольте. – Молодой человек сел, откинулся на спинку и свесил с подлокотников покрытые веснушками руки. – Вы тоже располагайтесь поудобней. Можете на столе.

Директор улыбнулся.

– Пожалуй. – Он вновь уселся на стол. – Однако не увлекайтесь.

– Чем?

– Вот этой своей ролью.

– Могу вызвать раздражение?

– Можете потерять контроль над обстановкой.

Молодой человек хмыкнул.

– Ну что ж, к делу. Как я уже говорил вам по телефону, меня интересуют редкоземельные металлы. Мой покупатель готов платить бешеные деньги…

– Погодите, Саша, – перебил директор. – Как вы на меня вышли?

Глаза молодого человека блеснули сквозь очки.

– Извините, я не выдаю свою агентуру.

Директор вздохнул.

– Ладно. Что, конкретно, интересует вашего покупателя?

– Осмий. Изотоп 187.

– Понятно, – усмехнулся директор. – Скажите—ка, Са-

ша Кузнецов, чем вы зарабатываете на жизнь? Ведь вы явно не из мира бизнеса.

Поправив очки, молодой человек кашлянул.

– Стыдно признаться: я ассистент преподавателя на кафедре зарубежной литературы. Только не спрашивайте, в каком ВУЗе.

– Какая прелесть, – с грустью проговорил директор.

– Вас это шокирует?

– Даже не знаю. – Директор придвинул к себе телефон. – Сколько даёт ваш покупатель за грамм осмия?

– Шестьдесят пять тысяч долларов. Нормально?

– Маловато. Сделка чёрная?

– Разумеется. На рынке сейчас такие цены.

– Возможно. Сделаем с вами так, – директор снял телефонную трубку, – я наведу кое—какие справки и сам вас разыщу. Согласны?

Молодой человек с кислой миной покинул кресло.

– И сколько времени это у вас займёт?

– Думаю, часа два. Не меньше.

– О, это приемлемо! Я заскочу попозже. – Саша Кузнецов направился к двери.

– Будьте добры, – набирая номер, попросил директор, – передайте секретарю, чтобы она вызвала ко мне Володю.

Саша улыбнулся через плечо.

– Спасибо за доверие. Однако я не прощаюсь.

Как только он оказался за дверью кабинета, секретарша

выглянула из-за компьютера.

– Ну как?

– Более—менее, – ответил Саша. – Часа через два переговоры возобновятся. Готовь кофе: я вернусь.

Девушка состроила гримаску.

– Я буду ждать у окна.

– Но—но, не увлекайся. – Саша погрозил ей пальцем. – Ты можешь потерять контроль над ситуацией. Лучше соберись с мыслями и вызови на ковёр этого… – Саша согнул худые руки, демонстрируя мускулы, – Шварценеггера вашего.

Девушка прыснула.

– Володю, что ли?

– Боже мой, догадалась! Ладно, Евгения, не скучай, блюди себя. – Он помахал ей и ушёл.

Девушка с улыбкой смотрела ему вслед. Потом вздохнула и приоткрыла дверь бухгалтерии.

– Володь, – позвала она, – тебя шеф требует.

Володя вышел с хмурым видом.

– Зачем?

– Понятия не имею. – Девушка вновь уселась за компьютер. Володя приблизился и заглянул через её плечо: на дисплее мелькали цветные квадратики.

– Совсем сдвинулась, – проворчал Володя. – Иди домой, расслабься.

– Ну, прямо!

– А что? Валентин отпустит, без проблем.

– Валентин-то отпустит, но… – секретарша продолжала увлечённо играть, – дома жара, а здесь прохладно.

Володя раздражённо засопел.

– Подумаешь, кондишн… Залезешь в ванну, телек врубишь. Иди, Жека, я договорюсь.

Девушка оторвала взгляд от дисплея.

– Слушай, ты чего меня выпираешь? Я мешаю тебе?

– Почему? – смутился Володя. – Ты не мешаешь, ты просто… сдвинулась с этим компьютером. – Бочком, бочком, будто краб, он пошёл к директорской двери. – У тебя вон даже глаза покраснели…

– Не хочу я домой, понял?! – огрызнулась девушка.

Володя покрутил пальцем у виска и вошёл в кабинет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.